Bashilov, Boris

Rytsar' vremen protekshikh

947.07
B299R

DUKE
UNIVERSITY

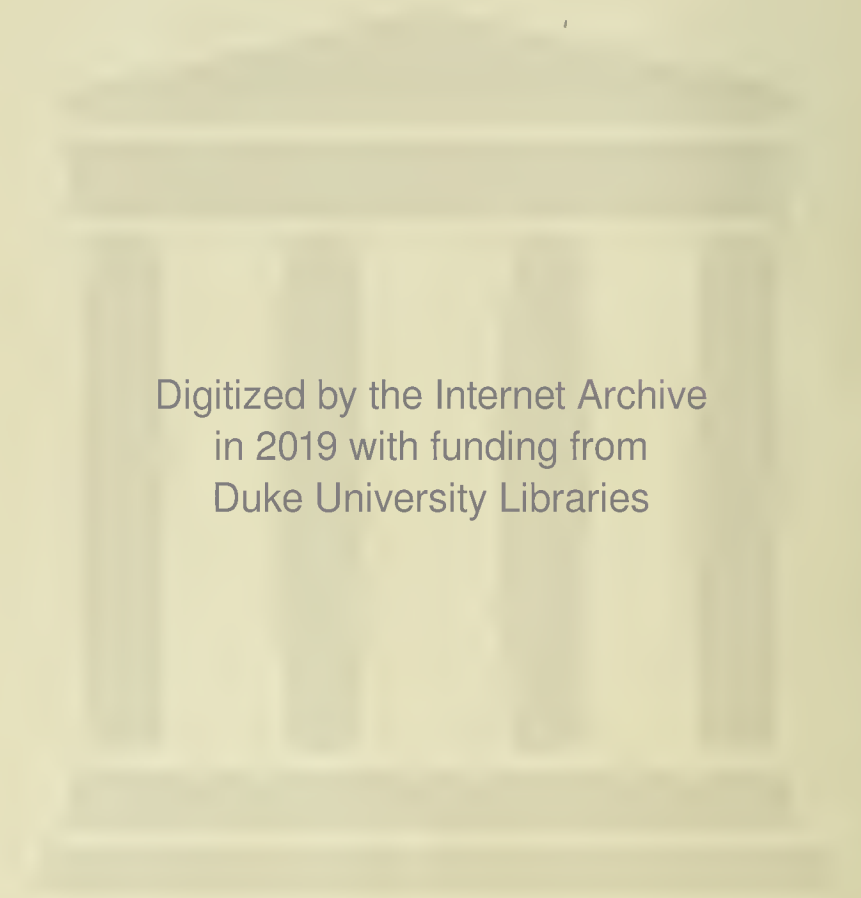
LIBRARY

БОРИС БАШИЛОВ

РЫЦАРЬ ВРЕМЕН ПРОТЕКШИХ...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ И МАСОНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУСЬ"



Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/rytsarvremenprot01bash

БОРИС БАШИЛОВ

Bashilov, Boris

РЫЦАРЬ ВРЕМЕН ПРОТЕКШИХ...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ И МАСОНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУСЬ"

СОДЕРЖАНИЕ

		стр.
I.	Нравственный облик Павла I	3
II.	В сетях масонов	12
III.	Восшествие Павла на престол. Восстановление русского принципа престолонаследия	19
IV.	Нравственный урок цареубийцам	21
V.	Павел хочет быть не дворянским, а народным царем	24
VI.	Внутренняя политика Павла I. Главные цели ее — борьба с сословными привилегиями	27
VII.	Разумность внешней политики Павла I	32
VIII.	"Рыцарь времен протекших..."	35
IX.	Борьба за повышение боеспособности русской армии	44
X.	Павел I и Суворов или история одной провокации	49
XI.	Надежды масонов на Павла I не оправдываются. Разрыв Павла с масонством	55
XII.	Масонский миф о "сумасшествии" Павла I в свете исторической истины	57
XIII.	Масоны организуют заговор против оклеветанного ими Павла I	69
XIV.	Вильям Питт не жалеет английского золота	74
XV.	Убийство Императора Павла I	74
XVI.	"Для нас он был не тиран, а отец"	79

I. НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ПАВЛА I

"Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое".

***

"Я надеюсь, что потомство отнесется ко мне беспристрастнее".

Император Павел.

I

Разоблачив миф о мудрости Екатерины II, как Правительницы, царствовани которой будто бы составило "золотой век" в русской истории, и переходя к изложению событий, происшедших в царствование ее сына Павла, вступаем в область новой системы мифов. И разоблачить эту сложную, хитросплетенную систему мифов о Павле I несравненно труднее, чем разоблачить мифы о мудрой "Императрице-философе" и о "Златом веке Екатерины".

Только в свободной России, когда станет возможно использовать архивные данные, историки, не загипнотизированные масонскими и интеллигентскими мифами, смогут сказать, наконец, правду о личности Павла I.

До той же поры в массах будет попрежнему бытовать миф о Павле I, как о безумном деспоте. Постараемся все же подойти к исторической истине объективно, проанализировав те исторические данные, которые нам известны сейчас о Павле I.

Было бы неверно утверждать, что Павел всегда и во всем поступал последовательно и что все его мероприятия приносили пользу. А много ли, спрашивается, в истории правителей, которые могут похвалиться этим? Разве могут похвалиться этими качествами и два самых излюбленных русскими прогрессивными историками правителя, как Петр I и Екатерина II?

Но Павел I вовсе не всегда, и не во всем, был непоследовательным, как это стараются изобразить его враги. По поводу всех измышлений врагов Павла I, изображавших его царствование как сочетание нелепого самодурства и дикого произвола ненормального деспота, Ключевский писал:

"Собрав все анекдоты, подумаешь, что все это ка-

кая-то пестрая и довольно бессвязная сказка; между тем, в основе правительственной политики (Имп. Павла) внешней и внутренней, **лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие".**

И дальше, Ключевский дает следующую, совершенно верную историческую оценку замыслов Павла I.

"Павел был **первый противодворянский царь** этой эпохи (...), а господство дворянства и господство, основанное на несправедливости, было больным местом русского общежития во вторую половину века. Чувство **порядка, дисциплины, равенства было руководящим побужд нием** деятельности Императора, **борьба с сословными привилегиями — его главной целью".**

Павел первый из царей пытался сойти с ложного пути, проложенного Петром I, **и вернуться к политическим идеям Московской Руси.**

Личная жизнь Императора Павла сложилась весьма несчастливо. После своего рождения он был взят у Екатерины и воспитывался Елизаветой. Воспитателем Павла был известный масон Н. И. Панин.

После смерти имп. Елизаветы и убийства Петра III, мало что изменилось в положении впечатлительного, даровитого ребенка. Он попрежнему жил отдельно от матери. Екатерина не любила сына от ненавистного мужа. Павел это чувствовал и сторонился матери, когда его изредка приводили к ней. Ребенок замкнулся в себя и с годами все больше и больше стал чуждаться матери. Когда же Павел узнал, что желание матери стать императрицей, послужило причиной гибели его отца, а потом понял, что мать не только свергла с престола его отца, но намерена лишить законных прав на русский престол и его, отчужденность переросла в неприязнь. Виновата в этом Екатерина, никогда не любившая сына. Когда Павел достиг совершеннолетия, Екатерина не передала ему власть, на которую он имел законные права. Она всегда подозревала Павла, окружала его своими соглядатаями, всегда подозревала, что он хочет поступить также, как и она, организует заговор против нее и отнимет у нее принадлежашую ему власть.

От сознания непрочности своего положения, Екатерина не любила путешествовать, так как опасалась, чтобы в столице в ее отсутствие не произошел переворот. Законный наследник власти — Павел — постоянная

угроза для нее. Известны ее распоряжения, которые она оставляла, покидая столицу, в отношении Павла. Согласно этих распоряжений, в случае начала волнений в столице, ее доверенные лица должны были немедленно арестовать Павла и привезти его к ней.

Отношения еще ухудшились, когда у Павла родился сын Александр. Екатерина отняла у Павла сына и начала воспитывать его сама. Екатерина хотела передать власть не сыну, а внуку.

Когда Александр вырос, он стал противиться желанию бабки объявить его наследником престола.

Он не хотел, чтобы законные права отца были нарушены. Александр говорил, что предпочитает лучше уехать из России, чем надеть корону, принадлежащую отцу.

Екатерина требовала от Лагарпа, воспитателя Александра, чтобы он внушал последнему мысль о том, что он должен согласиться на объявление его наследником престола. Но Лагарп отказался заняться "воспитанием" Александра I в этом направлении, что и послужило, кажется, одной из основных причин его удаления из России.

"Положение Павла, — указывает Платонов, — становилось хуже год от года. Удаленный от всяких дел, видя постоянную неприязнь и обиды от матери, Павел уединился с своей семьей в Гатчине и Павловске — имениях, подаренных ему Екатериной. Он жил там тихой семейной жизнью"...

До 42 лет Павел I прожил на двусмысленном положении законного наследника престола, без надежды получить когда-нибудь этот престол на законном основании. Сначала на его пути стояла мать, потом стал сын, которого она хотела сделать императором.

Ложное, двусмысленное положение, если оно продолжается слишком долго, любого человека может лишить душевного равновесия. А ведь Павел I в таком положении находился с дней своей юности, когда он осознал двусмысленность своего положения. И это положение продолжалось бесконечно долго. Его оборвала только внезапная смерть Екатерины, когда Павлу шел уже... 42 год.

II

Необходимо подойти с очень большой осторожностью к мнению тех современников Павла, которые стремятся изобразить его сумасбродным деспотом, почти сумасшедшим человеком, унаследовавшим эти черты своей натуры от своего отца. Мы знаем, как произвольно русские историки обращались с нравственным обликом русских царей. Основным мерилом личности русских царей им служат не объективны свидетельства современников и факты их государственной деятельности, а политическая позиция историка.

Цари, деятельность которых приносила благо русскому народу, клеймятся обычно "деспотами", "сумасшедшими", "Николаями Палкинами", или "Николаями Кровавыми". Положительную оценку от русской интеллигенции получают только правители, которые как Петр I и Екатерина II, вели Россию по чуждому ей историческому пути, разрушая устои самобытной русской государственности. Поэтому надо с большой осторожностью разобраться в правильности установившегося взгляда, что Павел с детства обладал деспотическим характером и признаками душевной неуравновешенности.

Каковы были основные черты характера Павла, прежде чем тяжелая, ненормальная жизнь, которая досталась на его долю, подорвала его душевные силы?

Многие из знавших близко Павла I лиц, единодушно отмечают рыцарские черты его характера. Княгиня Ливен утверждает, что:

"В основе его характера лежало величие и благородство — великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью".

В мемуарах А. И. Вельяминова-Зернова, мы встречаем такую характеристику нравственного облика Павла Первого:

"Павел был по природе великодушен, открыт и благороден; он помнил прежние связи, желал иметь друзей и хотел любить правду, но не умел выдерживать этой роли. Должно признаться, что эта роль чрезвычайно трудна. Почти всегда под видом правды говорят царям резкую ложь, потому что она каким-нибудь косвенным образом выгодна тому, кто ее сказал".

Де Саглен в своих мемуарах пишет, что "Павел был рыцарем времен протекших".

"Павел, — как свидетельствует в своих воспоминаниях Саблуков, — знал в совершенстве языки: славянский, русский, французский, немецкий, имел некоторые сведения в латинском, был хорошо знаком с историей и математикой; говорил и писал весьма свободно и правильно на упомянутых языках".

Княгиня Ливен в своих воспоминаниях характеризует Павла следующим образом:

"Хотя фигура его была обделена грациею, он далеко не был лишен достоинства, обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами.

...Он обладал литературной начитанностью и умом бойким и открытым, склонным был к шутке и веселию, любил искусство; французский язык знал в совершенстве, любил Францию, а нравы и вкусы этой страны воспринимал в свои привычки. Разговор он вел скачками, но всегда с непрестанным оживлением. Он знал толк в изощренных и деликатных оборотах речи. Его шутка никогда не носила дурного вкуса и трудно представить себе что-либо более изящное, чем короткие милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия. Я говорю это по опыту, потому что мне не раз, до и после замужества, приходилось соприкасаться с Императором".

Деспоты по натуре, как известно, не любят детей и не умеют искренне веселиться. Княгиня же Ливен указывает, что Павел охотно играл с маленькими воспитанницами Смольного института и играя с ними веселился от всей души. Это были немногие веселые часы тяжелой, полной мучительных переживаний, жизни.

"Он, — вспоминает кн. Ливен, — нередко наезжал в Смольный монастырь, где я воспитывалась: его забавляли игры маленьких девочек и он охотно сам даже принимал в них участие. Я прекрасно помню, как однажды вечером в 1798 году, я играла в жмурки с ним, последним королем польским, принцем Конде и фельдмаршалом Суворовым. Император тут проделал тысячу сумасбродств, но и в припадках веселости он ничем не нарушил приличий".

Саблуков утверждает тоже самое:

"В своем рассказе я изобразил Павла человеком

глубоко-религиозным, исполненным истинного благочестия и страха Божия. И, действительно, это был человек **в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды** и сознаваться в своих ошибках. **Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман,** заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество".

Нет сомнения, что **в основе характера Императора Павла лежало истинное великодушие и благородство** и, несмотря на то, что он был ревнив к власти, он презирал тех, кто раболепно подчинялся его воле, в ущерб правде и справедливости и, наоборот, уважал людей, которые бесстрашно противились вспышкам его гнева, чтобы защитить невинного".

"Павел I всегда рад был слышать истину, для которой слух его всегда был открыт, а вместе с нею он готов был уважать и выслушивать то лицо, от которого он ее слышал".

П. В. Нащокин говорил А. Пушкину:

"По восшествии на престол Государя Павла I, отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину:

"Вы горячи и я горяч, нам вместе не ужиться".

Государь с ним согласился и подарил ему Воронежскую деревню".

Несмотря на свою требовательность, несмотря на строгие меры, применяемые к нарушителям порядка и дисциплины, Павел был очень снисходителен и легко прощал тех, кто раскаивался в совершенных дурных поступках.

Прусский посланник Сольс, знавший Павла, когда он был молодым, писал, что у него душа "превосходнейшая, самая честная и возвышенная, и вместе с тем самая чистая и невинная, которая знает зло только с отталкивающей его стороны, и вообще сведуща о дурном лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться решимостью самому избегать его и не одобрять его в других. Одним словом, невозможно довольно сказать в похвалу Великому Князю".

Встретившийся с Павлом в Петербурге Австрийский Император Иосиф II так отзывается о нем в письме к своей матери:

"Великий Князь и Великая Княгиня, которых, при

полном согласии и при дружбе, господствующими между ними, нужно считать как бы за одно лицо, чрезвычайно интересные личности. Они остроумны, богаты познаниями и обнаруживают **самые честные, правдивые и справедливые чувства,** предпочитая всему мир и ставя выше всего благоденствие человечества. Великий Князь одарен многими качествами, которые дают ему **полное право на уважение".**

Великий Герцог Леопольд, сопровождавший Павла из Австрии в Флоренцию, писал своему брату Императору Австрии Иосифу II:

"Граф Северный, кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом **верно постигать идеи и предметы. и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра.** Мне кажется, что с ним следует поступать откровенно, прямо и честно, **чтобы не сделать** его недоверчивым и подозрительным. Я думаю, что он будет очень деятелен; в его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда становится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, **которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою.** Вообще, он кажется, не особенно жалует иностранцев и будет строг, склонен к порядку, безусловной дисциплине, соблюдению установленных правил и точности. В разговоре своем он ни разу и ни в чем не касался своего положения и Императрицы, но не скрыл от меня, что не одобряет всех обширных проектов и нововведений в России, **которые в действительности впоследствии оказываются имеющими более пышности и названия, чем истинной прочности.** Только упоминая о планах Императрицы относительно увеличения русских владений на счет Турции и основания империи в Константинополе, он не скрыл своего неодобрения этому проекту и вообще всякому плану увеличения монархии, уже и без того очень обширной и требующей заботы о внутренних делах. По его мнению следует оставить в стороне все эти бесполезные мечты о завоеваниях, которые служат лишь к приобретению славы, не доставляя действительных выгод, а напротив, ослабляя еще более Государство. Я убежден, что в этом отношении он говорил со мной искренно.

"Душа его,— пишет в своих "Записках" графиня

В. Н. Головина, — была прекрасна и исполнена добродетелей, и, когда они брали верх, дела его были достойны почтения и восхищения. Надо отдать ему справедливость: Павел был единственный Государь, искренно желавший восстановить престолы, потрясенные революцией; он один также полагал, **что законность должна быть основанием порядка".**

III

С. Платонов, как впрочем и другие историки, тоже признает, что Павел Первый имел характер "благородный и благодушный от природы". И что только "постоянное недовольство своим угнетенным положением, боязнь лишиться престола, частые унижения и оскорбления, каким подвергался Павел от самой Екатерины и ее приближенных, — могли, конечно, испортить его характер, благородный и благодушный от природы"[1]). То, что есть тяжелого в характере Павла — есть опять одно из многих тяжелых наследств, которые оставила Екатерина России после своего "Златого века". Павлу долгие годы пришлось жить под страхом лишения свободы и насильственной смерти. Трагическая судьба его отца и несчастного императора Иоанна VI, всю жизнь проведшего в заключении — могло стать и его судьбой.

С. Платонов указывает, что еще когда Павел был Великим Князем "нервная раздражительность приводила его к болезненным припадкам тяжелого гнева". Когда же появились эти припадки и что было причиной их? Панин все время настраивал Павла против матери. Павла старались вовлечь в заговор против матери, гарантируя сохранение жизни Екатерины. Павла соблазняли тем, что он имеет все законные права на корону, отнятую у него матерью. Благородный Павел отказался получить принадлежащий ему трон таким путем. Опасаясь, чтобы Павел не сообщил матери их предложение заговорщики попытались отравить его.

"Раздражительность Павла происходила не от природы,— сообщил Павел Лопухин князю Лобанову-Ростовскому, — а была последствием одной попытки отравить его". "Князь Лопухин верял меня, — пишет кн.

---

[1]) С. Платонов. Учебник русской истории.

Лобанов-Ростовский, что этот факт известен ему из самого достоверного источника. Из последующих же моих разговоров с ним я понял, что это сообщено было самим Императором княгине Гагариной"[2]).

По мнению историка Шильдера, большого знатока всех событий "Златого века", это покушение можно отнести к 1778 году. Инициаторами отравления были Орловы, мечтавшие разделить власть с Екатериной.

"Когда Павел был еще великим князем,— сообщает Шильдер, —он однажды внезапно заболел; по некоторым признакам доктор, который состоял при нем, угадал, что великому князю дали какого-то яда, не теряя времени, тотчас принялся лечить его против отравы. (Шильдер указывает имя, это был лейб-медик Фрейганг). Больной выздоровел, но никогда не оправился совершенно; с этого времени на всю жизнь нервная его система осталась крайне расстроенною: его неукротимые порывы гнева были ничто иное, как болезненные припадки, которые могли быть возбуждаемы самым ничтожным обстоятельством"[3]).

Описывая эти припадки, кн. Лопухин говорил:

"Император бледнел, черты лица его до того изменялись, что трудно было его узнать, ему давило грудь, он выпрямлялся, закидывал голову назад, задыхался и пыхтел. Продолжительность этих припадков не всегда одинакова". Но как только припадок проходил, верх брало прирожденное благородство Павла.

"Когда он приходил в себя,— свидетельствует кн. Лопухин, — и вспоминал, что говорил и делал в эти минуты, или когда из его приближенных какое-нибудь благонамеренное лицо напоминало ему об этом, **то не было примера, чтобы он не отменял своего приказания и не старался всячески загладить последствия своего гнева".**

***

В. Н. Головина в своих воспоминаниях сообщает следующие подробности о попытке вовлечь Павла в заговор против матери:

"Граф Панин, сын графа Петра Панина, ни в чем не похож на своего отца. У него нет ни силы характера, ни

---

[2]) Записки кн. Лобанова-Ростовского.

[3]) Шильдер. Император Павел Первый.

благородства в поступках; ум его способен только возбуждать смуты и интриги. Император Павел, будучи еще Великим Князем, высказал ему участие, как племяннику гр. Никиты Панина, своего воспитателя. Граф Панин воспользовался добрым расположением Великого Князя, удвоил усердие и угодливость и достиг того, что заслужил его доверие. Заметив дурные отношения между Императрицей и ее сыном, он захотел нанести им последний удар, чтобы быть в состоянии удотвлетворить потом своим честолюбивым и даже преступным замыслам. Поужинав однажды в городе, он вернулся в Гатчину и испросил у Великого Князя частную аудиенцию для сообщения ему самых важных новостей. Великий Князь назначил, в каком часу он может прийти к нему в кабинет. Граф вошел со смущенным видом, очень ловко прикрыл свое коварство маской прямодушия и сказал, наконец, Великому Князю с притворной нерешительностью, будто пришел сообщить ему известие самое ужасное для его сердца: дело шло о заговоре, составленном против него Императрицей-Матерью, думали даже посягнуть на его жизнь. Великий Князь спросил у него, знает-ли он заговорщиков и, получив утвердительный ответ, велел ему написать их имена. Граф Панин составил длинный список, который был плодом его воображения. "Подпишитесь",— сказал затем Великий Князь. Панин подписался. Тогда Великий Князь схватил бумагу и сказал: "Ступайте отсюда, предатель, и никогда не попадайтесь мне на глаза". Великий Князь потом сообщил своей матери об этой низкой клевете. Императрица была также возмущена ею, как и он".

II. В СЕТЯХ МАСОНОВ

I

Отданный матерью в полное распоряжение главного воспитателя графа Никиты Панина, Павел с раннего детства оказался среди видных русских масонов. Люди, с которыми чаще всего встречался Павел в дни свего детства, в дни юности и позже, которым он доверял, с которыми дружил, которые высказывали ему свое сочувствие, **были все масоны высоких степеней.**

Это был Никита Панин, вовлекший Павла в члены

масонского братства. Брат Никиты Панина Петр Панин. Родственники графов Паниных, князья А. Б. Куракин и Н. В. Репнин. Князь Куракин был одно время русским послом во Франции. В Париже его завербовал в ряды ордена Мартинистов, сам Сент-Мартен. Вернувшись в Россию, Куракин завербовал в члены ордена Новикова. После И. П. Елагина Куракин стал главой русских масонов. Князь Н. В. Репнин, по свидетельству современников, был предан идеям масонства "до глупости".

Никите Панину в воспитании Павла помогал масон Т. И. Остервальд. Капитан флота Сергей Иванович Плещеев, с которым подружился Павел и которого очень любил, был тоже масон, вступивший в масонскую ложу во время пребывания в Италии. С Плещеевым Павла свел князь Репнин, надо думать, не без тайного умысла.

Русские масоны решили сделать Павла масоном и всячески старались, чтобы он стал членом ордена.

Начиная с 1769 года между Павлом и Паниным возникает оживленная переписка по поводу написанного масоном князем Щербатовым сочинения "Путешествие в землю Офирскую".

"Путешествие в землю Офирскую" — это **первый, составленный в России план организации социалистического, тоталитарного государства.** В жизни офирян находится под тщательной мелочной опекой государственной власти, в лице санкреев — офицеров полиции. "Санкреи" заботятся о "спокойствии", о "безопасности", о "здоровье" и т. д.

Кн. Щербатов с восторгом живописует, что в государстве офирян (так же, как в СССР) "все так рассчитано, что **каждому положены правила, как ему жить,** какое носить платье, сколько иметь пространный дом, сколько иметь служителей, по скольку блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену; дается посуда из казны по чинам; единым жестяная, другим глиняная, а первоклассным серебряная, и определенное число денег на поправку и посему каждый должен жить, как ему предписано".

Правители Офирии накладывают свою лапу на всю жизнь страны, все в стране делается по заранее разра-

ботанному плану и только по разрешению правительства вплоть до того, что на каждый год устанавливаются твердые цены на все товары и продукты

Интересно, что в "Путешествии в страну Офирскую" мы находим план организации военных поселений, созданных позже Александром I. Армия в Офирии состоит из солдат, которые живут в специальных селениях. В каждом селении живет рота солдат.

"Каждому солдату дана меньше обыкновенного хлебопахаря — однако довольная — земля, которую они обязаны стали обделывать; треть же из каждой роты, переменяясь погодно, производит солдатскую службу; а и все должны каждый год собираться на три недели и обучаться военным обращениям, а во все время, в каждый месяц два раза... Каждый отставленный солдат, по выслужении урочных лет не токмо должен в селение его полка возвратиться, но и в самую ту роту... Не токмо позволено, но и повелено в полках иметь приличные мастерства, но больше грубые, яко плотничье, столярное, шляпное и подобные".

"Путешествие в страну Офирскую" князя Щербатова это предшественник "Русской Правды" декабриста Пестеля. Строй тоталитарного государства, который намечается в этих сочинениях, удивительно напоминает социалистическое государство, созданное в наши дни большевиками.

Идея военных поселений, созданных позже Александром I — несомненно навеяна ему масонским сочинением князя Щербатова. Александр I не мог не быть знакомым с "Путешествием в страну Офирскую" и наверняка читал ее. Творцом идеи военных поселений, оставивших по себе такую недобрую память, был не граф Аракчеев, как это внушено русскими масонами и русской интеллигенцией, а масон князь Щербатов.

II

Чтобы привлечь на свою сторону Павла, масоны дают ему понять, что они хотят видеть на престоле его, а не узурпирующего его права Екатерину. В исследовании Вернадского "Русское масонство в царствование Екатерины II", читаем следующее: "Отрицательное отношение значительной части масонов к Екатерине и сим-

патии к Павлу Петровичу, выясняются вполне определенно в конце 1770 годов.

3 сентября 1776 г., при соединении Елагина с Рейхелем, великим поместным мастером был сделан граф Н. И. Панин. Не прошло двух месяцев после того, как и внучатый племянник Панина и близкий друг Павла, кн. А. В. Куракин был отправлен в любимую Паниным Швецию, составлять истинную масонскую партию".

"Елагин целый год думал примкнуть ему к новой системе или нет, но в конце концов отказался. Тогда шведскую систему окончательно захватили в свои руки приверженцы и друзья Ц саревича: кн. Г. П. Гагарин, князь А.В. Куракин, кн. Н. В. Репнин, О. А. Поздеев (перед тем служивший при гр. П. И. Панине); сам Н. И. Панин не выступал на первый план".

Связи Павла с масонами, расположение масонов к Павлу и связи русских масонов с шведскими масонами, конечно, стали известны Екатерине и вызвали у нее большое беспокойство. Она ошибочно решила, что Павел опираясь на масонов хочет силой взять то, что принадлежит ему по праву.

Стремление группы масонов, окружавших Павла, связаться с шведскими масонами, было вызвано тем, что русские масоны хотели приобщиться к высшим ступеням масонства. "Возникновение новой шведской системы масонства, по свидетельству Вернадского, — вызвало острые опасения Императрицы. Об этом свидетельствует и комедия Императрицы, — первая из целой серии, направленных против масонов "Тайна против нелепого общества", появившаяся в 1780 году. Одновременно с литературными мерами, Екатерина приняла и административные. В Национальной ложе два раза был Петербургский полицмейстер П. В. Лопухин".

Желая вероятно прервать связи Павла с масонами, Екатерина II настаивает, чтобы Павел предпринял путешествие по Европе. Осенью 1781 года Павел с женой, под именем графа Северного, уезжает в Европу. Заграницей связи Павла с масонами продолжаются. В числе его спутников находятся его близкие друзья С. И. Плещеев и А. В. Куракин, будущий глава русских масонов.

В семье своей жены Павел оказывается в атмосфере увлечения идеями мартинистов. Мать жены Павла встречалась с Сент Мартеном, главой ордена Мартини-

стов, каждое слово Сент Мартена было для нее высшей заповедью. Весной 1782 года Павел участвовал на собрании членов масонской ложи в Вене.

Известно, что глава русских розенкрейцеров Шварц писал члену ордена Розенкрейцеров принцу Карлу Гессен-Кассельскому о своих соображениях и возможной роли Павла в ордене.

"Письмо герцога Гессен-Кассельского в оригинале писанное к Шварцу в 1782 г. доказывает их братскую переписку — из него видеть можно, что князь Куракин употреблен был инструментом к приведению Великого Князя в братство"[4]). Когда в 1783 году было решено о создании в России VIII Провинции ордена, то для Павла было резервировано звание Провинциального великого мастера ордена Розенкрейцеров.

Когда Павел вернулся из Европы, к нему из Москвы приезжал его друг, знаменитый архитектор Баженов, член ордена Розенкрейцеров, который старался вероятно склонить Павла к вступлению в Франкмасонство.

Многолетняя обработка дала наконец свои плоды и в 1784 году Павел вступил в одну из масонских лож, подчинявшихся И. Елагину. Павла торжественно принимал в члены братства вольных каменщиков сенатор И. Елагин. При приеме присутствовал и главный воспитатель Павла, гр. Н. И. Панин, которому масоны воздавали хвалу за то, что он:

"В храм дружбы сердце царское ввел".

В 1784 году, за пять лет до французской революции, глава русских масонов И. В. Лопухин в 1784 г. написал торжественную похвальную песнь в честь Павла.

Залог любви небесной
В тебе мы, Павел, зрим:
В чете твоей прелестной
Зрак ангела мы чтим.

Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!

Судьба благоволила
Петров возвысить дом
И нас всех одарила,
Даря тебя плодом.

---

[4]) Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II.

Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!
С тобой да воцарятся
Блаженство, правда, мир:
Без страха да явятся
Пред троном нищ и сир.
Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом![5])

III

Вступление Павла в масонскую ложу возбудило у Екатерины подозрение, что за просветительной деятельностью масонов скрываются какие-то тайные цели и что масоны, вовлекая Павла I в свои сети, хотят организовать заговор против нее.

В 1785 году она отдает приказ Московскому полицмейстеру и Московскому Митрополиту, произвести проверку содержания книг и журналов, издаваемых в Москве "Дружеским ученым обществом", во главе которого стоял розенкрейцер и мартинист Новиков.

Но благодаря Митрополиту Платону, покровительствовавшему "Дружескому обществу" и давшему отзыв о Новикове, как о примерном христианине, и благожелательный отзыв о большинстве просмотренных книг, проверка не принесла никакого вреда деятельности московских розенкрейцеров. Екатерина успокоилась. И еще несколько лет московские розенкрейцеры и масоны, принадлежавшие к другим орденам, беспрепятственно продолжали свою деятельность в Москве, Петербурге и других городах.

Как же относился к масонам сам Павел? По благородству своего характера, Павел с детства окруженный масонами, не догадывался об истинных тайнах целях мирового масонства, считал, что масоны — добродетельные люди, желающие добра людям. Но потом у Павла, видимо, зародились какие-то подозрения. Известно, что когда к нему однажды опять приехал Баженов, он расспрашивал его, а не имеют ли масоны каких-нибудь тайных целей.

---

5) Е. С. Шумигорский. "Император Павел I и масонство. Масонство в прошлом и настоящем", т. II, стр. 144.

Баженову удалось убедить Павла, что масоны не имеют никаких дурных замыслов, что их цель высока и благородна — братство всех живущих на земле людей.

—"Бог с вами,— сказал тогда Павел, —только живите смирно".

Но когда разразилась Великая французская революция и Павлу стало известно об участии в ней масонов, он резко изменил свое отношение к масонам. Зимой 1791-1792 года, когда Баженов снова приехал к нему и заговорил снова о масонстве, Павел резко заявил ему:

—"Я тебя люблю и принимаю, как художника, а не как мартиниста: о них я слышать не хочу, и ты рта не разевай о них".

В обвинительном приговоре по делу Новикова, московским розенкрейцерам вменялось в вину, "что они употребляют разные способы, хотя вообще, к уловлению в свою секту известной по их бумагам Особы. В сем уловлении, так и упомянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником".

Имел ли Павел с Новиковым в ту эпоху связь — установить сейчас трудно. Может быть подобная мотивировка приговора была только приемом, применяя который Екатерина II желала оттолкнуть Павла от масонов. Историк Валишевский в своей книге "Вокруг трона" утверждает, например, что все сношения Новикова с Павлом ограничивались только тем, что он посылал ему какие-то книги". В данном случае важны не догадки, а миросозерцание Павла и его дальнейшее отношение к масонам.

Арест Новикова был первым решительным мероприятием Екатерины против масонов. Новиков и наиболее активные члены "Ученого дружеского общества" были арестованы, кто посажен в тюрьму, кто выслан. Все масонские ложи в России были закрыты. Все масоны, находившиеся в близких отношениях с Павлом, по приказанию Екатерины, были удалены от него. При дворе Павла остался только один Плещеев. Графу Панину и кн. Гагарину было запрещено общение с Павлом. Князя Куракина выслали в его имение.

III. ВОСШЕСТВИЕ ПАВЛА НА ПРЕСТОЛ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ПРИНЦИПА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

В 1796 году, уже сорока двух лет, после внезапной смерти Екатерины, Павел вступил, наконец, на отнятый у него матерью трон. Все лучшие годы жизни уже позади. Они прожиты им в тяжелой, ненормальной атмосфере, созданной Екатериной II.

Вступая на престол, Павел получил, кажется, еще последний тяжелый удар от той, которая дала ему жизнь.

"По общему мнению,— сообщает К. Валишевский, —существовало завещание, отрекавшее наследника от престола; при нем же был, говорят, объяснительный манифест, подписанный двумя популярными героями, Румянцевым и Суворовым. И Правда Воли Монаршей Петра Великого остается в силе, объявляя самодержавную власть монарха единственным регулятором престолонаследия. Если верить легенде, то Павел открыл этот старый документ. Он берет в руки конверт, завернутый в черную ленту с надписью: "Вскрыть после моей смерти в совете". Не говоря ни слова, он посмотрел на Безбородко. Тот в свою очередь молча переводит свои глаза на камин, где горит огонь, может быть разведенный самой Екатериной накануне утром"[6]).

Согласно легенде Павел бросает пакет в огонь. **На этом кончает свое существование нелепый закон, введенный Петром I, согласно которого монарх может назначить своим наследником кого хочет.**

Сам всю жизнь страдавший от последствий антимонархического принципа передачи монархической власти "согласно воле Государя", Павел немедленно восстанавливает древний порядок наследования царской власти.

"В сущности имп. Павел ничего нового не ввел, он только в законченной, строгой системе вернул этот вопрос к тому, что существовало до имп. Петра I-го. Никогда в Московской Руси старший наследник не мог быть обойден престолом. Только Петровский закон 1721

---

[6]) Валишевский. Вокруг Трона.

года создавал право государя выбирать, по своему усмотрению, наследника из числа лиц, принадлежащих к царствующему дому. Преемственность этого петровского рукоположения обрывается уже на первом этапе, — императрица Екатерина I-я умирает, не назвав преемника, и в дальнейшем на помощь закону приходят головоломные трюки вельмож или лихой марш гвардии. Имп. Екатерина II-ая имела в виду передать престол внуку, а не сыну, и только внезапная ее кончина помешала ей осуществить это. Сановники растерялись, не успели организовать "голос народа" в виде воплей подвыпившей гвардии, и престол, в естественном порядке, достается старшему в роде. Воцарение Павла Петровича происходит не по закону 1721 года, а по легитимному, древне-русскому праву, которое он немедленно облекает в ясную и стройную систему.

О природе Основных законов следует сказать несколько слов. Каждый закон есть следствие каких-то моральных норм и, в этом смысле, закон Павла I-го целиком вытекает из той клятвы Земского Собора 1613 года, когда наши предки связали судьбу России, на вечные времена, с династией Романовых. Непреложный смысл этой клятвы тот, что предки наши, умудренные и смутами, и выборными царями, и просто самозванцами, оставили нам завет: хотите жить хорошо, по-божески, — без непрерывной поножевщины, — держитесь линии своих царей и никаких прыжков в сторону не допускайте. Царь, хотя бы и со средними способностями, всегда ведет страну ко благу, а разные гениальные фокусники непременно исказят жизнь многих и многих поколений.

Принцип Основных законов и, особенно, моральная природа, их питающая, подвергались жесточайшей критике разных разумопоклонников, полагавших, что демократии с их республиками могут обходиться без этих "пережитков старины". И тут чрезвычайно полезно заглянуть в последнюю книгу Алданова "Ульмская ночь". Автор, сам демократ, распланировал свое произведение в виде беседы двух демократов, весьма ученых и учитывающих весь наличный исторический опыт. И вот один из собеседников делает такое признание, которое неизбежно надо принять, как признание самого Алданова: "В некоторых монархических странах были неотменимые основные законы. Мы должны ввести такие

же... Свободу нельзя оставлять на капризе голосований".

Если бы демократы сказали, что вовсе не только "свободу", а жизнь государства, жизнь народа в его целом, "нельзя оставлять на капризе голосований" то формула приобрела бы вполне ценный характер. Но в отношении к основным законам сказано решительно: они нужны"[7]).

IV. НРАВСТВЕННЫЙ УРОК ЦАРЕУБИЙЦАМ

I

Как известно, после восшествия на престол, Павел Первый распорядился, чтобы прах убитого заговорщиками отца его, Петра III, был похоронен рядом с прахом Екатерины II. Этот поступок всегда выдавался историками за яркое доказательство ненормальности Павла Первого, что он будто бы желал таким способом отомстить своей матери. Это — ложь!

Вводя основные законы, Павел I хорошо понимал, что **нужно оздоровить моральную и политическую атмосферу в России,** загрязненную после смерти Петра I постоянными дворцовыми переворотами. Ведь дошло до того, что убийцы Петра III кичились своим участием в цареубийстве и считали себя героями.

Император Павел I, — как совершенно верно указывает Н. Былов, — "с первого дня царствования старается вернуть разболтавшимся россиянам духовное зрение. И меры, им принимаемые, таковы, что каждому могут задать сильнейшую моральную встряску, — каждого заставить кое о чем поразмыслить"[8]).

А. К. Загряжская, современница Екатерины II, разговаривая с Пушкиным, дала следующую характеристику убийце Петра III А. Орлову:

---

[7]) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена". "Знамя России" № 128.

[8]) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена". "Знамя России" № 128.

"Orloff était régicide dans l'âme, c'etait comme uns mauvaise habitide", то-есть: "Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой".

Павел I приказал главному убийце Петра III, Алексею Орлову во время торжественного переноса праха Петра III итти впереди гроба своей жертвы и нести царскую корону.

"И вот на глазах всего петербургского общества, матерый цареубийца, мужчина исполинского роста со страшным, иссеченным саблей, по пьяному делу, лицом, который мог ударом кулака раздавить череп, как фисташковый орех, которого все боялись, — этот Орлов несет в дрожащих руках корону и испуганно озирается на нового императора.

Сразу после похорон, Орлов бежит за границу, но государь и не думает его преследовать. **Казни предавался здесь вовсе не физический цареубийца, а само цареубийство.** Петербургским вельможным кругам, соскользнувшим со своего прямого пути б заговорочного служения государям, предлагалось опомниться; предлагалось понять, что убийство царя есть не только уголовное преступление, но и хула на Господа Бога и всю Россию, в ее историческом целом, — на всех бесчисленных россиян, которые со времен Владимира Святого кровь свою проливали за веру, независимость, единство и процв тание своей родины первыми слугами которой были цари.

Поняла ли это столичная знать? Целиком, конечно, не поняла. Остались те "екатерининские змеи", как их называет Старый Кирибей, которые и самому Павлу I-му уготовили участь его отца"[9]).

Оказался неспособным понять данный ему моральный урок и Алексей Орлов.

—"Я встретилась с ним в Дрездене,— рассказывала Загряжская А. С. Пушкину, —в загородном саду. Он сел рядом со мною на лавочке. Мы разговорились о Павле I.

—"Что за урод! Как это его терпят?"

—"Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? Ведь не задушить же его?"

—"А почему же нет, матушка?"

---

[9]) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена". "Знамя России" № 128.

—"Как, и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?"

—"Не только согласился бы, а был бы очень тому рад".

Вот каков был человек".

Дрянь, как мы видим, Алексей Орлов был изрядная. Вот такие люди, как он, и постарались всемерно очернить Императора Павла I в глазах современников и в глазах потомства.

II

Стараясь развенчать цареубийц, как политических героев, Павел вместе с тем стремился возвысить нравственное значение присяги на верность царю. Павел постарался найти и вознаградить тех лиц, которые остались верны Петру III и не захотели давать присягу Екатерине II.

Узнав от Аракчеева, что в деревне Липках Тверской губернии живет отставной премьер-майор Абрамов, отказавшийся присягать Екатерине II после убийства Петра III, и преследовавшийся за это Екатериной, приказал вызвать его в Петербург и доставить в Зимний дворец.

"Старомодный, поношенный костюм Степана Михайловича, его неловкая, сгорбленная фигура и усталое, озабоченное лицо, обратили на себя внимание придворных, теснившихся в обширной дворцовой приемной, и вызвали у многих насмешливые улыбки, но дедушка, подавленный мрачными думами, ничего не заметил и, пробравшись в угол, с замиранием сердца ожидал решения своей участи, хотя и не сознавал за собой никакой вины. Через полчаса из двери, соединявшей приемную с внутренними покоями, вышел царский адъютант.

—Кто здесь — премьер-майор Абрамов?— спросил он звучным голосом.

Дедушка отозвался.

—Государь Император всемилостивейше жалует вас подполковником, —сказал адъютант, отчеканивая каждое слово.

Не успел еще дедушка опомниться, как прибежал другой адъютант и прокричал:

—Господин подполковник Абрамов. Государь Император всемилостивейше жалует вас полковником.

Вслед за тем явился третий и возвестил:

—Господин майор Абрамов! Государь Император всемилостивейше жалует вас генерал-майором.

Наконец, четвертый объявил:

—Генерал-майор Абрамов, Государь Император всемилостивейше жалует вам Анненскую ленту".

Затем появился Император Павел. Из разговора с ним и подошедшим к нему Аракчеевым Абрамов узнал, что Император Павел таким необычайным образом захотел отметить верность присяге и привязанность к своему несчастному отцу.

"Восторгам и радостям по возвращению Степана Михайловича в родные Липки, не было конца, — описывает потомок Абрамова С. Н. Шубинский в очерке "Семейное предание". Не только весь уезд, но и вся губерния перебывала у него и дедушке приходилось по несколько раз в день повторять один и тот же рассказ в его мельчайших подробностях"[10]).

Павел добился цели. О награждении Абрамова за верность присяге заговорили все.

V. ПАВЕЛ ХОЧЕТ БЫТЬ НЕ ДВОРЯНСКИМ, А НАРОДНЫМ ЦАРЕМ.

Огромное значение царствования Павла состоит в том, что **после Тишайшего Царя он первый решил быть снова не дворянским, а народным царем.**

Павел имел высокое понятие о власти русского царя. Еще до вступления на престол в 1776 году он писал:

"...Если бы мне надобно было образовать себе политическую партию, я мог бы молчать о беспорядках, чтобы пощадить известных лиц, но, будучи тем, что я есмь, — для **меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства,** а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. **Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое".**

Отрицательное отношение Павла к матери основывалось не только на том, что он считал ее виновницей

---

[10]) С. Н. Шубинский. Исторические очерки и рассказы. С.-Петербург, 1893 год. Семейное предание, стр. 342-347

смерти своего отца, но он вообще не одобрял ее образа деятельности, ее политических взглядов, а также того, что, завися от дворянства, она стала фактически только дворянской царицей.

"Строго осуждая порядок екатерининского управления,— указывает С. Платонов ("Учебник русской истории), — Павел думал, что Екатерина своим потворством дворянству и либеральностью умалила царский авторитет и расшатала устои истинного порядка".

"Павел думал" — этой формулировкой Платонов хочет внушить мысль, что хотя Павел так и думал, но в действительности это было не так. Но так думал не только один Павел, но и многие его современники и многие русские историки, в том числе и сам Платонов. Приведенная выше цитата из Платонова заимствована с 275 страницы его учебника, а раньше, на странице 256, С. Платонов утверждает:

"Вступив на престол по желанию дворянской Гвардии и правя государством с помощью дворянской администрации, Екатерина не могла порвать союз с главенствующим в стране дворянским сословием и поневоле вела дворянскую политику в вопросе о крепостном праве".

А на странице 258 С. Платонов делает еще более откровенное признание **о полной зависимости Екатерины от дворянства, которому она не могла не потворствовать.** "Когда личные взгляды Екатерины,— пишет С. Платонов, —совпадали со взглядами дворянства, они осуществлялись; когда же совпадения не было, императрица встречала непонимание, несочувствие, даже противодействие, и **обыкновенно уступала косности господствующей среды".** Можно ли более отчетливо сформулировать полную зависимость Екатерины от интересов дворянства?

То, что Павел не разделял "просвещенных" политических взглядов его матери, обычно выдается за свидетельство его политической реакционности, но **на самом деле это является только свидетельством его политической трезвости.** Ведь сам же С. Платонов признает полную отвлеченность политических взглядов Екатерины II и их полное несоответствие с русской действительностью.

Дав приведенную выше оценку политической зави-

симости Екатерины от интересов дворянства, С. Платонов старается реабилитировать ее в глазах читателя его учебника.

"Но так бывало,— указывает он, —в тех делах, которые касались, главным образом, сословной жизни и затрагивали существенные интересы дворянства. В других областях своей деятельности просвещенная Императрица не была так связана и не встречала вообще препятствий, кроме разве того, что собственные ее философские и политические взгляды и правила **оказывались вообще неприложимыми к практике, по своей отвлеченности и полному несоответствию условиям русской жизни".**

Такой оценкой философских и политических взглядов Екатерины, С. Платонов опять подтверждает трезвость политического мышления Павла, имевшего возможность бесчисленное количество раз убедиться, что **философские и политические взгляды его матери, в виду их отвлеченности, совершенно не соответствуют русской действительности и применение их ничего кроме вреда не приносило.**

Вступив на престол, Павел первый решил положить в основу своей государственной деятельности, не отвлеченные европейские философские и политические взгляды философов, а стремление **улучшить политическое и материальное положение большинства своих подданных. Он решил стать не дворянским царем, а царем всего русского народа.**

В своей книге "Тайны Императора Александра I" проф. М. Зызыкин повторяет все клеветнические измышления его врагов о Павле I, не делая никакого критического анализа их, но и он указывает:

"Нельзя не упомянуть о том, что в правлении Павла были стороны, заслуживающие одобрения с точки принятии принципа равенства всех перед законом. Так он сделал кое-что в пользу уравнения сословий: уничтожил Жалованную Грамоту Дворянству 1784 года, создавшую привилегированное положение дворян не только в личных правах, но и в предоставлении им корпоративного права в местном управлении".

"Оказывается, что можно найти **руководящую мысль** за кратковременное царствование Павла: **она заключается в уничтожении сословных привилегий и вод-**

ворении правды и законности в государстве. Именно подлинное стремление Павла к уравнению сословий побудило его повелеть, чтобы крепостные присягали ему наравне с прочими сословиями Империи".

"Он же проломил в своем почти не реализованном законодательстве, **глухую стену, разделявшую свободных от несвободных, построенную Екатериной Второй,** за что народная память воздала ему вечное почитание в виде свечей у его гробницы, не прекращавшихся до революции 1917 года".

VI. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПАВЛА I. ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ ЕЕ — БОРЬБА С СОСЛОВНЫМИ ПРИВИЛЕГИЯМИ

Павел стал Императором в тяжелое время. Во Франции бушевала французская революция, русское государство досталось ему в чрезвычайно расстроенном состоянии.

Церковь была унижена и разорена. В высших кругах процветало вольтерьянство, масонство и неприкрытый атеизм. Финансы страны совершенно раззорены. Государство имело громадные долги. Рекрут и солдат военное начальство брало себе в услужение и превращало фактически в своих крепостных. Так в 1795 году из 400 тысяч солдат, 50.000 солдат находилось в "частной службе". Положение крепостных крестьян, которым Екатерина запретила даже жаловаться на своих помещиков, было крайне тяжелым.

В задачу настоящей работы не входит задача подробного анализа государственной деятельности Павла I. Цель данной работы заключается в том, чтобы показать **какую роль сыграли масоны, обманувшиеся в своих расчетах на Павла, как "своего Императора",** в убийстве Павла и в исторической клевете на него, как на человека и царя. Поэтому ограничимся кратким изложением положительных государственных мероприятий Павла, которые он провел за свое короткое царствование.

"Император Павел имел искреннее и твердое желание делать добро. Все, что было несправедливо или казалось ему таковым, возмущало его душу, а сознание власти часто побуждало его пренебрегать всякими замедляющими расследованиями; но **цель его была по-**

стоянно чистая; намеренно от творил только одно добро. Собственную свою несправедливость сознавал он охотно. Его гордость тогда смирялась и, чтобы загладить свою вину ,он расточал и золото и ласки".

"Пред ним, как пред добрейшим Государем, бедняк и богач, вельможа и крестьянин, все были равны. Горе сильному, который с высокомерием притеснял убогого. Дорога к Императору была открыта каждому; звание его любимца никого пред ним не защищало"[11].

Если Екатерина запрещала крестьянам даже жаловаться на своих владельцев, то Павел приказал привести крестьян к присяге, **показав этим, что они для него такие же подданные, как и помещики.** Губернаторам было приказано следить за тем, как помещики обращаются с крестьянами и о всех злоупотреблениях помещиков сообщать царю.

Желая "открыть все пути и способы, чтобы глас слабого, угнетенного был услышан, Павел приказал поставить в одном из окон Зимнего Дворца железный ящик, в который каждый мог бросить свои прошения".

Видный масон и вольтерьянец А. И. Тургенев, позже, как и все масоны, клеветавший на Павла I, и тот признает в своих воспоминаниях:

"Первый любимец, первый сановник,— пишет он, —знаменитый вельможа и последний ничтожный раб, житель отдаленной страны от столицы — равно страшились ящика.

...Правосудие и бескорыстие в первый раз после Петра I ступили через порог храмины, где творили суд и расправу верноподданных".

Как относился Павел к крестьянству, видно из следующих выдержек, взятых из написанного им для своих детей Наставления.

"Крестьянство,— пишет он, —содержит собою все прочие части своими трудами, **следственно, особого уважения достойно** и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его",— (другими словами, превратностям крепостного права). "Надлежит уважать состояние приписных к заводам крестьян, их **судьбу переменить и разрешить. Не меньше уважения** заслуживают государственные крестьяне, однодворцы,

---

11) Записки Августа Коцебу.

черносошные и пахотные, которых свято, по их назначениям, оставлять, облегчая их судьбу".

10 февраля 1797 года Павел запретил продажу дворовых людей и крестьян без земли. В день коронации в 1797 году запретил заставлять работать крестьян по праздникам.. Казенным крестьянам было дано самоуправление, по 15 десятин земли, сложено 7 миллионов недоимок, хлебная повинность, раззорительная для крестьян была заменена денежной из расчета 15 копеек за четверик хлеба.

"...Нельзя изобразить,— пишет Болотов, —какое приятное действие произвел сей благодетельный указ во всем государстве и сколько слез и вздохов благодарности выпущено из очей и сердец миллионов обитателей России. Все государство и все концы и пределы оного были им обрадованы, и повсюду слышны были единые только пожелания всех благ новому государю".

Чтобы удешевить цену хлеба, Император распорядился продавать хлеб по дешевым ценам из казенных хлебных магазинов. И цена на хлеб понизилась.

Скажут, это слишком мало: необходимо было уничтожить основную язву, разрывающую социальное единство народа — крепостное право западного типа. Но выполнить эту радикальную реформу социальной структуры государства, в то время, при полном расстройстве государства, Павел I, конечно, не мог. Но и то, что он сделал для облегчения участи крестьянства, вызвало огромную волну благодарности со стороны крестьянства. Спустя столетие после убийства Павла, крестьяне приходили поклоняться гробнице Павла I и ставили ему свечи.

Крестьянство за несколько месяцев царствования Павла получило больше льгот, чем за все долгое царствование его матери, прославленной историками — "мудрой и просвещенной правительницей".

Павел кладет конец преследованиям Православной Церкви и раскольников. Возвращает Церкви отобранные у нее имения. **Кратковременное царствование Императора Павла I,**—пишет Епископ Серафим, настоятель Новой Коренной пустыни, созданной в Северной Америке, в своей книге "Одигитрия русского Зарубежья",— принесло большое облегчение и, **по сравнению с царствованием Екатерины, было поистине благословенным.** Церковь, ставшая было захудалым придатком к государст-

венным учреждениям, получила известное признание и некоторую самостоятельность. Ей были возвращены частично ее права и привилегии. Особенно это сказалось на монастырях". Павел прекратил преследования старообрядцев. В начале 1798 года, в центре старообрядчества, в Нижегородской губернии, старообрядцам было разрешено открыть свои церкви. Когда сгорел один из раскольничьих скитов на Керженце, старообрядцы обратились к Императору Павлу с просьбой об отпуске средств на строительство нового скита. И Павел выдал старообрядцам пособие из своих личных средств.

Мы знаем, как безрассудно расходовала Екатерина государственные средства на свои прихоти и для вознаграждения своих фаворитов. Павел считает, что Царь не имеет права так своевольно обращаться с государственными деньгами.

"Доходы государственные,— пишет он, —государства ,а не государя и, составляя богатства его, составляют целость, знак и способ благополучия земли. Поэтому расходы должно соразмерять по приходам и согласовать с надобностями государственными и для того верно однажды расписать так, чтобы никак не отягчать земли".

Император Павел решил принять меры к улучшению расстроенных финансов и "перевесть всякого рода бумажную монету и совсем ее не иметь". С целью повышения стоимости денег много придворных серебрянных сервизов и вещей было переплавлено в монету. На площади перед Зимним Дворцом было сожжено бумажных денег на сумму свыше 5.000.000 рублей. Стоимость денег поднялась.

Желая ликвидировать хаос в законодательстве, доставшийся ему в наследство от "Златого века", Павел приказал собрать все действующие до тех пор законы в три особых книги: уголовную, гражданскую и "казенных дел". Цель реформы преследовала показать "прямую черту закона, на которой судья утвердиться может. Еще ранее Павел дал "людям, ищущим вольности", право аппелировать на решение судов.

Как мы видим, внутренняя политика Павла заключалась в стремлении исправить основные недостатки, доставшиеся ему в наследство от "Златого века" Екатерины II. Даже из краткого перечисления осуществленных

по приказу Павла мероприятий, видно, что они все разумны и вызваны жизненной необходимостью. **Они не дают абсолютно никакого материала для заключения о том, что Павел был сумасбродным деспотом и сумасшедшим.**

Еще будучи наследником, он высказывал мысль, что Россия отныне не должна больше заботиться об увеличении своей территории, что победив всех своих основных врагов, отныне она должна вести только оборонительные войны. Он хотел уменьшить армию и найти "способ" к приведению армии в надлежащую пропорцию в рассуждении земли".

Разве это была не разумная мера? Разве это не облегчило бы положение государства, страдавшего от огромных расходов на содержание большой армии?

Весной 1800 года Павел запретил ввоз в Россию иностранных книг, запретил отправку заграницу юношей для обучения в иностранных учебных заведениях.

Это дало некоторые результаты. Увлечение всем иностранным уменьшилось. С французского языка высшие круги общества стали переходить на русский.

"Однажды, обедая у графа Остермана,— пишет в своих воспоминаниях С. Н. Глинка, —я был поражен тем, что за обедом не слыхал ни слова" (т. е. никто не произнес ни одного французского слова).

Если связать воедино все задуманные Павломе I видоизменения в политической и социальной областях, то по верному замечанию Н. Былова" получится необыкновенно стройная, законченная и внутренне цельная система. Одно вытекает из другого, одно дополняется другим, и все вместе поражает глубиной и размахом. Если все это признаки сумасшествия, то единственно что можно сказать: —Дай Бог каждому из нас быть таким сумасшедшим!

Изучение идейного наследия имп. Павла I представляет собою насущный, чисто современный интерес".

VII. РАЗУМНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПАВЛА I

Павла I обвиняют в том, что его внешняя политика была также противоречива и непоследовательна, как и внутренняя. Причину "непоследовательности" и противоречивости внешней политики Павла объясняют той же причиной, что и его поведение — неуравновешенностью его характера. Это ошибочное заключение.

Продолжительное путешествие по Европе хорошо познакомило Павла с политическим положением в Европе, с политическими интересами различных государств Европы. Он был в курсе всех основных направлений своей эпохи.

Реальная трезвая политика, считающаяся с изменяющимися обстоятельствами, всегда, на первый взгляд, производит впечатление противоречивой и непоследовательной. Политика Павла I в отношении европейских государств и революционной Франции была вполне разумной. Убежденный враг французской революции, Павел сначала становится союзником Австрии и Англии. Но вскоре он понимает, что и Австрия и Англия заботятся не столько о борьбе с революционной Францией, сколько об использовании побед русских войск в своих интересах. Павел стремился к борьбе с революционной армией. Австрия же за счет побед Суворова хотела захватить часть Италии, а Англия укрепить свою мощь на морях.

Павел был недоволен союзниками, в особенности, австрийцами, за их интриги против русской армии, вследствие которых последняя едва не была уничтожена под Цюрихом.

Поэтому Павел решил выйти из коалиции и отозвать свои войска из Европы. Не только вероломство союзников было причиной решения Павла. Были и другие важные причины "внезапной перемены" внешней политики Павла I. Во-первых, "раздумывая о способах идейной борьбы с носителями революционных и атеистических идей, Павел I внимательно присматривался к происходящим во Франции событиям. А ход этих событий был таков, что Павел понял, что Первый Консул Бонапарт стремится к подавлению революции, уничтожению республики, стремится к восстановлению монархии. хии.

Когда Наполеон разогнал Директорию, а затем Совет Пятисот, Павел сразу понял, что это начало конца французской революции. Дальнейшие события подтвердили правильность этого вывода. Вскоре Наполеон быстро и энергично расправился с якобинцами и разрешил вернуться во Францию 141 тысяче эмигрантов.

Наполеон сообщил Павлу I, что он желает отпустить на родину всех русских пленных, попавших в руки французов после разгрома осенью 1789 года корпуса Корсакова.

Приехавшему в декабре 1800 года в Париж для приемки пленных генералу Спренгпортену "Бонапарт сразу же выразил самое горячее чувство симпатии и уважения к Павлу Петровичу, подчеркивая благородство и величие души, которые, по его мнению, отличают русского царя. Одновременно оказалось, что Первый Консул не только приказал вернуть русских пленных (около 6 тыс. человек), но и распорядился, чтобы им всем были сшиты за счет французской казны новые мундиры по форме их частей и выдано обмундирование, новая обувь, возвращено оружие. Эта никогда никем при войне не практиковавшаяся любезность сопровождалась личным письмом Бонапарта Императору Павлу, в котором Первый Консул в дружественных тонах говорил, что мир между Францией и Россией может быть заключен в 24 часа, если Павел пришлет в Париж доверенное лицо".

—"Ваш Государь и я,— сказал Бонапарт генералу Спренгпортену, —мы призваны изменить лицо земли"[12]).

Павел I вовсе "не внезапно из ярого врага Франции обратился в ее доброжелателя", как это любят утверждать историки, желая подчеркнуть этим "ненормальность" Павла.

Павел ответил Бонапарту сообщением, что он согласен на мир, так как он хотел бы вернуть Европе "тишину и покой".

"Наполеон после этого первого успеха,— сообщает Тарле, —решил заключить с Россией не только мир, но и военный союз. Идея союза диктовалась двумя соображениями: во-первых, отсутствием сколько-нибудь сталкивающихся интересов между обеими державами и, во-

---

12) Академик Тарле. Наполеон.

вторых, возможностью грозить (через южную Россию в Среднюю Азию) английскому владычеству в Индии".

А Англия была опасна не только Франции. Павел понял, что она является также и врагом России. **Правильность этого взгляда Павла на Англию подтвердил весь дальнейший ход истории, вплоть до настоящего времени.** Превращение революционной Франции в монархию не устраивало ни европейских, ни русских масонов, ни Англию, под шумок свирепствовавших на континенте политических и революционных бурь, действовавшую, как всегда, в своих эгоистических интересах.

"Во внешней политике государь прозревает теперь другое: не Франция является историческим врагом России, а Англия. Он делает из этого соответствующие выводы и начинает готовиться к войне с ней. Сейчас, с уверенностью можно утверждать, что все распоряжения имп. Павла I, особенно конца его царствования, всемерно искажались Паленом и другими сановниками, чтобы вызвать у всех недовольство царем. Приготовления к походу на Индию, с особым старанием обращали в карикатуру, потому что Пален и другие заговорщики работали в интересах Англии, — это сейчас сомнению не подлежит. Все приготовления были прерваны убийством царя, в котором роль английского золота тоже сомнению не подлежит.

Поход на Индию рассматривается в нашей литературе, как несомненное доказательство ненормальности Павла I-го. Но, вероятно, в этом деле полезнее посчитаться с авторитетом Наполеона, а не очкастых мудрецов из-под зеленой лампы"[13]).

Автором похода на Индию был не столько Павел, сколько именно Наполеон. В книге известного историка Е. В. Тарле "Наполеон" читаем, например: "мысли об Индии никогда не оставляли Наполеона, начиная от Египетского похода и до последних лет царствования". После заключения мира с Россией,— как сообщает Тарле, —"Наполеон обдумывал — пока в общих чертах — комбинацию, основанную на походе французских войск под его начальством в южную Россию, где они соединились бы с русской армией, и он повел бы обе армии через среднюю Азию в Индию".

---

13) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена".

Ничего фантастического в идее похода в Индию не было. Не надо забывать, что поход в Индию начался 27 февраля 1801 года, **а через одиннадцать дней после его начала Павел I был убит заговорщиками, находившимися в тесной связи с английским правительством.**

В исторической литературе усиленно доказывается, что поход не удался. На самом же деле **поход был прекращен.** Александр I, взойдя на престол, немедленно послал приказ начальнику отряда, чтобы он вернулся обратно в Россию.

VIII. "РЫЦАРЬ ВРЕМЕН ПРОТЕКШИХ..."

I

"Краткое царствование Павла I,— пишет в своих воспоминаниях современник Павла I де Санглен, —замечательное тем, что он сорвал маску со всего прежнего фантасмагорического мира, произвело на свет новые идеи и новые представления. С величайшими познаниями, строгою справедливостью, Павел был рыцарем времен протекших. Он научил нас и народ, что различие сословий ничтожно".

"Все сознавали, однако,— пишет Шумигорский в своем исследовании "Император Павел I", —**что государственный корабль идет по новому руслу,** и все напряженно старались угадать его направление".

"Крестьянство и низшие сословия, то есть большинство народа смотрели на этот новый курс с надеждой и радостью, дворянство с тревогой и недоброжелательством". "Люди знатные,— пишет полковник Саблуков, — конечно тщательно скрывали свое неудовольствие, но чувство это иногда прорывалось наружу и во все время коронации в Москве Император не мог этого не заметить. Зато низшие сословия с таким восторгом приветствовали Императора при всяком представлявшемся случае, что он приписывал холодность и видимое отсутствие привязанности к себе дворянства, лишь нравственной испорченностью его и якобинскими наклонностями".

И, в данном случае, оценка Павла была очень трезвой политической оценкой. Высшие круги дворянства духовно и нравственно действительно были сильно ис-

порчены и заражены, кто духом вольтерьянства, кто масонством, а кто и прямым якобинством.

Привязанность Александра I к Екатерине II не помешала ему трезво расценивать моральный уровень "Екатерининских орлов".

"Нет ни одного честного человека среди них,— жаловался Александр Кочубею в письме от 21 февраля 1796 года. —"Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями, между тем, они занимают высшие места, как, например, князья Зубовы, Пассек, князья Барятинские, оба Салтыковых, Мятлевы и множество других, которых не стоило даже называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед теми, кого боятся".

Если восшествие на престол Павла I было встречено дворянством с тревогой и опасением, то позже они быстро переросло в ненависть. Ведь "Золотой век" Екатерины был вместе с тем и золотым веком дворянства. Все самые смелые мечты созданного Петром шляхетства исполнились. Желание Павла быть народным, а не дворянским царем означало конец этого золотого века.

Дарование дворянам права не служить в армии и на государственной службе **лишало крепостное право всякого политического основания.** Крепостная зависимость была создана в интересах усиления обороны национального государства. Крестьяне были прикреплены к земле, а не к помещику. Крестьяне служили помещику ,а помещик служил государству. Эта обоюдная крепостная зависимость в интересах национальной независимости была понятна крестьянину.

Освобождение дворян от обязательной службы государству отцом Павла Петром III, но оставление крестьян в роли крепостных было воспринято русским крестьянством как величайшая несправедливость. Нравственное возмущение крестьян нашло свое выражение в стихийном бунте, возглавленном Пугачевым. Именем Петра III Пугачев повел крестьян на борьбу — за уничтожение крепостного права, из государственной необходимости превратившегося в социальную несправедливость.

Павел понял, что возмущение крестьян имело законное нравственное основание и он решил исправить ошибку своего отца. Если ему, при тогдашних историчестких условиях и было не под силу сразу положить

конец крепостному праву, то он хотел хоть вернуть ему былое политическое основание. Павел I решил заставить дворян **снова служить государству** и этим оправдать существование крепостного права. Поэтому, вместе с облегчением положения крепостных и казенных крестьян, Павел издает ряд указов, **постепенно сводящих на нет право дворян не служить в армии и государственных учреждениях, если они не желают.**

Не пришелся по душе дворянству и указ Павла, устанавливающий твердый порядок наследования царской власти. Он уничтожал значение Гвардии, как орудия совершения государственных переворотов. Не по душе пришлись дворянам и многие другие указы Павла I.

Употребляемый Ключевским термин "противо дворянский царь",— как правильно указывает Н. Былов, —нуждается в уточнении. Павел вовсе не был противником дворянства, как благородного, высшего слоя общества. Борьба, которую вел Павел против дворянства велась им в двух направлениях: во-первых, он **хотел положить конец своевольству дворянства,** старавшегося ограничить власть царя, привыкшему проявлять свою волю с помощью дворцовых переворотов; во-вторых, Павел **хотел, чтобы дворянство не только считалось высшим и благородным сословием, а и действительно стало таковым.**

"Чтобы ответить на этот вопрос серьезно, — правильно отмечает Н. Былов, —надо коснуться Мальтийского рыцарства, введенного Павлом I. "Русский государь взял на себя возглавление этого старинного ордена, целью которого в прежние времена была защита Гроба Господня от неверных. Обычно в русской истории и литературе эта "мальтийская затея" императора Павла, как раз и приводится в доказательство его ненормальности. Посмотрим на "затею" глазами россиянина, умудренного и революциями, и войнами, и скитаниями по чужим странам"[14]).

Орден Мальтийских рыцарей или как он именовал сам себя "Державный орден св. Иоанна Иерусалимского" существовал сначала на острове Родос, а позже на острове Мальта. Несколько столетий орден пользовался правами независимого государства: ведет дипломатиче-

---

14) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена".

ские сношения с разными государствами, содержит флот для борьбы с пиратами, ведет войны с врагами христианства. "Рыцарство везде уже отжило свое время, и только мальтийские рыцари, озаренные блеском военной доблести и героических подвигов, совершенных их предками, остались могущественным средством в борьбе консервативных и религиозных сил против тех, кто получил свою власть от революции.

В течение ряда лет русский император лелеял мысль сгруппировать вокруг Мальтийского ордена все духовные и военные силы Европы, без различия национальности и вероисповедания, чтобы подавить движение, которое угрожало не только "престолам и алтарям", но также всему существующему порядку в мире. Кто знает, размышлял российский монарх, не суждено-ли и сейчас этому Ордену, так долго и успешно боровшемуся против врагов христианской Европы, объединить все лучшие элементы и послужить могучим оплотом против революционного движения? Помимо того имп. Павла прельщали в Мальтийском ордене его традиции, рыцарский уклад и его мистически религиозное направление, так отвечающее его собственному религиозному мировоззрению.

Перед воображением императора рисовался образ идеального рыцарского союза, в котором, в противовес новым идеям, исходившим из революционной Франции, процветали п р и н ц и п ы , положенные в основу Ордена: строгое христианское благочестие и безусловное послушание младших старшим"[15]).

II

"Ненормальный Павел" понял то, чего до сих пор не понимают, например, все политические деятели современного западного мира. Павел понял, что с вредными идеями надо бороться тоже идеями, что одна физическая борьба против носителей растлевающих идей победы не принесет.

Россия и Европа того времени не знали, как защитить себя от растлевающих идей французской революю-

---

[15]) Вл. Абданк-Коссовский. Под знаменем Мальтийского креста. "Россия" (Нью-Йорк). № 4136.

ции. В момент восшествия Павла I на престол Робеспьер был уже убит, революция как будто бы шла на убыль. У власти стоял Консул Бонапарт. Вначале трудно было понять, хочет ли он продолжать революцию или ее потушить. Во время первых своих походов он выглядел скорее якобинцем, чем противником революции. И Павел, не раздумывая, посылает в Европу для борьбы с ним Суворова. Но действия Суворова и предательское поведение союзников убедили Павла, что **оружием ид и победить нельзя.** Что даже несколько Суворовых не смогут в данном случае ничего сделать.

Павел понял, что революционным идеям надо противопоставить распространение религиозных и политических идей, а революционным партиям — силу религиозно-светских орденов.

"...Когда постановление конвента лишило Орден его владений во Франции, мальтийские кавалеры в числе французских дворян стали прибывать в Россию.

В 1797 году имп. Павел I принял на себя обязанности протектора Мальтийского ордена. Это звание налагало на него известные обязанности по отношению Ордена, особенно когда в июне следующего года молодой французский генерал Бонапарт захватил Мальту. В это тяжелое для державного Ордена время только имп. Павел оказал действенную помощь ему. Русский император не только дал ему убежище в своей столице и обеспечил пребывание Ордена в России материально, но и распространил деятельность его на русской территории восстановлением польского католического и учреждением русского православного Великого Приорства.

Захватив Мальту, французы выслали русского посланника и объявили жителям острова, что всякий русский корабль, появившийся у их берегов, будет немедленно потоплен. Имп. Павел был глубоко возмущен подобным поступком французов. Не прошло и двух месяцев после захвата Мальты ген. Бонапартом, как русская эскадра адм. Ушакова совместно с турецким флотом приняла участие в действиях против Франции в Средиземном море. Захватив Ионические острова, русские готовились уже овладеть Мальтой, но англичане предупредили их. Нежелание Великобритании вернуть остров Ордену, не дало возможности дальнейшим событиям завершиться в благоприятном для него направлении.

Осенью этого же года совершилось важное событие, окончательно привязавшее имп. Павла к Ордену: сановники и кавалеры Российского Приорства, собравшись в С.-Петербурге, торжественным актом от 15 августа 1798 года признали великого магистра Ордена фон-Гомпеша виновным в сдаче острова Мальты французам, объявили его низложенным и просили Царя-Протектора принять Мальтийский орден в свое державство. 29 ноября того же года, в торжественной обстановке, император Павел возложил на себя знаки нового сана: белый мальтийский крест, рыцарскую мантию, корону и меч, осуществив таким образом, личную унию ордена с Российской империей. К императорскому титулу повелено было прибавить слова: —"Великого Магистра Ордена св. Иоанна Иерусалимского", а в государственном гербе на грудь орла возложен был мальтийский крест, существовавший здесь в течение двух с половиной лет"[16]).

Павел I издал манифест об "Установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского. Новый российский мальтийский орден состоял из двух отделов: православного и католического.

"Разрешено было также учреждать с Высочайшего соизволения родовые командорства по примеру других стран. Подобные наследственные командорства сохранялись в роду графов Салтыковых, князей Белосельских-Белозерских, князей Долгоруких, графов Шереметевых, Кологривовых, графов Мордвиновых, Валуевых и других. Однако, имп. Павел смотрел на Орден с его дворянскими установлениями не как на сословие или класс, а как на некоторое духовное начало, каторое должно было приобщить к царству благородства и чести широкие народные массы и создать новую аристократию духа. С этою целью он всячески стремился облегчить доступ в Орден лиц недворянского происхождения, установив для них звание почетных кавалеров и награждая их мальтийскими крестами. С этой же целью он повелел выдавать всем нижним чинам за двадцатипятилетнюю беспорочную службу медные мальтийские кресты, так называемые "донаты ордена св. Иоанна Иерусалимского". Российский император понимал, что равнение по

---

16) Вл. Абданк-Коссовский. Под знаменем Мальтийского креста.

низшим есть разгром человеческой культуры, видел внутреннее духовное оправдание не в демократизации общества, но его аристократизации.

Так возглавление Мальтийского Ордена Российским Императором перешло в историю Ордена, как славная страница первой великой борьбы с разрушительными идеями французской революции 1789 года, ныне нашедшими свое развитие и завершение в большевизме"[17]).

"Павел I,— пишет Н. Былов, —берет на себя возглавление католическим орденом с титулом великого магистра. И это в нем вовсе не компромисс с своей совестью или безразличие к той и другой религии. В Гатчинском дворце долгое время показывали коврик, протертый посередине от коленопреклоненных ночных молитв Павла Петровича, тогда еще наследника. Кто читал записки Порошина, воспитателя наследника или отзывы митрополита Платона Левшина, его законоучителя, для того приверженность государя к православию не подлежит сомнению. Оставаясь самим собою, Павел I подает нам пример такой широты и смелости в понимании христианства, которые стоят совсем особняком в истории России и Европы. Припомним, что и в староверах он умел, прежде всего, видеть христиан, достойных всякого уважения.

Орден мальтийских рыцарей, который привлек его внимание, был исключительно подходящим, как для индивидуально-духовной закалки, так и для просветления Европы. Мальтийцы, ведущие свой род от иоаннитов, — рыцарей-монахов, ставили своей целью дела помощи ближним, но вместе с тем и с оружием в руках защищали христианский мир от неверных. И в этом глубочайший смысл такого светского религиозного ордена: он может выступать как действенная вооруженная сила, тогда как Церкви, по сути своей, лишены этой возможности.

Имп. Павел, с универсальной стороны мальтийства, оказался также непонятен Европе, как не поняли и русские смысла введения в России орденства. И католические и лютеранские государи мечтали только о том, чтобы спрятаться в свои норки и там отсидеться".

"Мальтийское орденство, введенное имп. Павлом,

---

17) Вл. Абданк-Коссовский. Под знаменем Мальтийского креста.

надо рассматривать под двумя углами зрения: под внутренним, чисто русским, и вторым — универсальным. Первую, русскую идею, вложенную в рыцарство, правильнее всего назвать п рерукоположением дворянства. Император Павел Петрович, с его обостренными понятиями чести и долга, веры и верности, никак не мог согласиться, что голый факт принадлежности к высшему сословию ставит человека, действительно, выше всех, Екатерининскому дворянству, шляхетного, польского типа, в особенности нужна была орденская, духовная прививка. Да и в дальнейшем Собакевич и Коробочка, Чичиков и Милюков, Ленин — были по паспорту дворянами, но какой прок России от их дворянства?..

Ключевский смотрит очень поверхностно. Никакие идеи "уравниловок" не были свойственны Павлу I-му. Он стремился, наоборот, придать дворянству духовный смысл и вводит для этого орденскую структуру. Прием в Мальтийские рыцари был открыт и для духовенства; в орден вступили даже некоторые епископы.

Что современника абсолютно не поняли идей своего императора и свели все к карьеризму и переодеваниям в мальтийские мантии, — это безусловный факт. Но это не обязывает нас тоже ничего не понимать. Скажем, например, так: если бы рядом с Государственной Думой, выкликавшей революцию, существовал твердый духовный орден, на который государь мог бы слепо положиться, то битым было бы не Государство Российское, а эта пресловутая Дума"[18]).

Исходя из мысли о необходимости усиления идейной борьбы с революционными и атеистическими идеями с помощью особых религиозных и светских организаций Павел I обратился к Римскому Папе с просьбой восстановить распущенный орден иезуитов. Павел считал, что восстановленный орден иезуитов поставит своей главной целью борьбу против развивающегося атеизма, а не борьбу с представителями других христианских вероисповеданий, как это было раньше. Поэтому Павел I разрешил иезуитам пребывание в России. Но рассчеты Павла не оправдались. Восстановленный орден иезуитов, как и прежде, все свое внимание стал уделять не борьбе с атеизмом, а борьбе за усиление ка-

---

[18])Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена".

толицизма. Допущенные в Россию иезуиты занялись только вовлечением в католичество учившихся в открытых школах воспитанников и представителей русской аристократии.

Умер Павел I — умерла вместе с ним и идея создания в России духовного рыцарства, — религиозного ордена, возглавляющего борьбу против масонских орденов, активно боровшихся с религией и монархиями.

"Преемник Павла I, имп. Александр I, лично отклонил от себя управление Орденом, тем не менее не отказал ему в дальнейшей защите. Он принял на себя обязанности протектора Ордена и указом от 6 марта 1801 года поручил своему заместителю по Ордену фельдмаршалу графу Салтыкову, управление делами Ордена впредь до избрания нового великого магистра. Тем не менее, связь России с Мальтийским орденом не прекратилась. Русские Императоры и члены Императорского Дома продолжали быть кавалерами большого креста Ордена. Связь эта утверждалась также тем, что в России остались величайшие святыни Ордена, на сохранении которых, при сдаче о. Мальты единственно настаивал великий магистр фон-Гомпеш. Святыни эти: частица Животворящего Креста Господня, десница св. Иоанна Крестителя и чудотворный образ Божьей Матери Филермской.

Эти реликвии были затем перевезены в Россию, где первоначально хранились в церкви мальтийского капитула в здании, превращенном впоследствии в Пажеский корпус, а затем в церкви Зимнего дворца, в С.-Петербурге. В дни памяти св. Иоанна Крестителя эти святыни выносились в торжественной церковной процессии на поклонение верующим. Наконец, в дни великой смуты, когда пало Русское Государство, реликвии Мальтийского Ордена, данные имп. Павлу I на хранение ,не погибли, а русскими руками были вывезены за границу и сохранены"[19]).

***

"Война 1799 года,— писал видный русский мыслитель национального направления Н. Данилевский в своей замечательной книге "Россия и Европа", — в чисто военном отношении едва ли не славнейшая из всех, ве-

---

[19]) Вл. Абданк-Коссовский. Под знаменем Мальтийского креста.

денных Россией, была актом возвышеннейшего политического великодушия, бескорыстия, рыцарства в истинно мальтийском духе" (то есть в духе ордена Мальтийских рыцарей, сотни лет сражавшихся с врагами христианства. Б. Б.).

IX. БОРЬБА ЗА ПОВЫШЕНИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ РУССКОЙ АРМИИ

Павел не сумел оценить самобытность военных взглядов Румянцева, Потемкина и Суворова, которые понимали самобытность России и "все различия между русской и западно-европейскими системами — различие вытекающее из этой самобытности" (А. А. Керсновский. История русской армии, ч. I, стр. 102).

"При Потемкине и Суворове",— указывает Керсновский: —и солдат учат лишь тому, что им может пригодиться в походе и бою. При стойке обращается внимание на простоту и естественность. Движения были свободны — "без окостенения, как прежде было в обычае". Телесные наказания, а так очень редко применявшиеся Румянцевым, были при Потемкине совершенно выведены из обихода Армии. Этим отсутствием заплечных дел мастеров, отсутствием тем более знаменательным, что телесные наказания официально отменены не были, русская армия будет всегда гордиться".

Чрезвычайно характерно, что и Румянцев и Суворов совершенно не разделяли увлечения Екатерины европейскими политическими идеями. Если Екатерина в своей государственной деятельности опиралась на идеи европейских философов, то Румянцев, Потемкин и Суворов старались совершенствовать русскую армию на основе возобновления традиций русского военного искусства.

Враждебность Суворова к французской "просветительной" философии общеизвестна (см. Ист. русск. мас. Том III, ч. II, стр. 98). Был свободен от увлечения вольтерьянством и учитель Суворова — Румянцев. "Историки левого толка, пишет А. Керсновский, — в том числе и Ключевский, стремятся изобразить Румянцева "крепостником", намеренно искажая правду. Победитель при Кагуле, точно, не жаловал утопий Руссо, входивших тогда в моду у современных снобов и сознавал всю

их антигосударственность, что делает честь его уму" (Ист. русской армии, ч. I, стр. 102).

Русская армия была единственной отраслью государственной жизни, которая при Екатерине II развивалась в духе русских исторических традиций.

"Русская армия тех времен мало походила на другие европейские армии. Она глубоко от них разнилась и внешним видом — простой удобной "потемкинской" формой, и устройством — будучи единственной национальной армией в Европе, и обучением — моральным воспитанием, а не европейской бездушной дисциплиной, и самой стройной тактикой (А. Керсновский. Ист. русской армии, ч. I, стр. 144).

Но нездоровая политическая и моральная атмосфера, возникшая в России благодаря "идеологической" деятельности императрицы-"философа" отразились отрицательным образом на нравах офицерства. И в эпоху фаворита Зубова в армии расцветают многие нездоровые явления.

В царствование Екатерины II только в воинских частях, подчиненных Румянцеву и Суворову, царил настоящий воинский дух и строгая дисциплина. Но в большинстве остальных воинских частей, царили порядки, далекие от заведенных Суворовым. Применить свой гений для реорганизации всей русской армии Суворов не мог.

При Екатерине II Суворов "к решению кардинальных вопросов организации военного дела не подпускали,— пишет полковник Генерального Штаба П. Н. Богданович в своем историческом исследовании "Аракчеев". Суворовым пользовались тогда, когда что-либо и где-нибудь серьезно не ладилось: он и с турками воевал, и поляков усмирял, и пугачевский бунт тушил.

Мозг же государственного военного организма — генеральный штаб, был дезорганизован и был бессилен что-либо делать в смысле своей специальной работы, потому что с ним совершенно не считались главнокомандующие (местные старшие военные начальники) в силу своих связей при дворе. Они, минуя начальника Генерального Штаба (тогда называвшегося Генерал-квартирмейстером), в своих округах самолично производили и назначали офицеров Генерального Штаба, т. е. в самой верхушке военного организма воцарилась анархия".

По свидетельству Безбородко в 1795 году, накануне вступления Павла на престол, из 400 тысяч солдат и рекрут, 50.000 было растащено из полков для домашних услуг и фактически обращены в крепостных. В последние годы царствования Екатерины, офицеры ходили в дорогих шубах с муфтами в руках, в сопровождении егерей или "гусар", в расшитых золотом и серебром фантастических мундирах.

А в это время на западе бушевала французская революция и революционные войска одерживали победу за победой с помощью совершенно новых, невиданных до того военных приемов. Считаясь с тем, что монархической России придется наверное бороться с войсками революционной Франции, вступив на престол, Павел в первый же день царствования расформировывает Генеральный Штаб и на четвертый день формирует его из совершенно новых лиц.

Затем начинается пересмотр начальствующего состава всей армии. В течении своего царствования Павлом было уволено в отставку 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и свыше 2000 штаб-офицеров и обер-офицеров. Что это, бессмысленный разгром армии сумасбродного деспота, у которого правая рука не знает, что творит левая?

Массовое увольнение офицеров из армии нельзя объяснить самодурством Павла, как это обычно изображается, а необходимо объяснять борьбой Павла с нарушениями воинской дисциплины, казнокрадством, "растаскиванием" солдат из полков и другими должностными преступлениями начальствующего состава. Нельзя, конечно, отрицать, что отставка всем и всегда давалась правильно, наверняка было не мало случаев неправильного увольнения. Но в массе из армии были все же устранены лица, **которые мешали ей совершенствоваться.**

Пора сибаритства и манкирования военным долгом прошла, всех офицеров Павел заставил много и упорно работать в целях поднятия армии на высокую ступень.

"Павловская муштра",— признает А. Керсновский,—"имела до некоторой степени положительное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же, гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим свои-

ми обязанностями, смотревшими на службу, как на приятную синекуру и считавшими, что "дело не медведь — в лес не убежит" — дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего — служба... Порядок, отчетливость в "единообразии всюду были наведены образцовые" (Истор. русск. армии, ч. I, стр. 156).

В конце 1797 года, через год после восшествия Павла I, Ростопчин пишет С. Воронцову: "Нельзя себе представить, не видевши, чем сделалась наша пехота в течение одного года. Я видел ту, которая стоила стольких трудов покойному прусскому королю (т. е. Фридриху Великому), и я уверяю Вас, что она уступила бы нашей".

Допустим, что Ростопчин, бывший сторонником Павла I, преувеличивает, но мы имеем оценку происшедших в армии перемен, принадлежащую перу историка Шильдера, написавшего обширное исследование о Павле I. Шильдер, изучивший большое число документов царствования Павла I, пишет то же самое, что и Ростопчин.

"Образ жизни гвардейских офицеров совершенно изменился. По словам очевидца, "при Императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общество, ходили во фраках ,а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех, как рекрут".

Несправедливо оклеветанный, также как и Павел, Аракчеев, в короткий срок превратил отсталую артиллерию в грозный вид оружия. Достаточно напомнить, что принципы организации артиллерии, положенные в основу Аракчеевым, просуществовали вплоть до начала... Первой мировой войны.

Императором Павлом I, как свидетельствует А. Керсновский в своей "Истории русской Армии", было обращено серьезное внимание на улучшение быта солдат. Постройка казарм стала избавлять войска от вредного влияния постоя. Увеличены оклады жалования, упорядочены пенсионы, вольные работы, широко до тех пор практиковавшиеся, были строго запрещены, дабы не отвлекать войска от прямого назначения. Вместе с тем награды орденами, при Екатерине — удел старших начальников и привилегированной части офицерства, распространены и на солдат: за 20 лет беспорочной службы им стали выдавать знаки Св. Анны".

Не мало сделал положительного за свое короткое

царствование Павел I и для поднятия мощи военного и коммерческого флота.

"Его царствование в отношении соблюдения морских интересов отечества было положительным. Ему Россия обязана покровительством торговому мореплаванию, оказанием поддержки Сибирскому промышленнику Шелихову и основанием Российско-Американской Компании. Для русского оружия эпоха Павла Петровича была исключительно блестящей и, как армия под водительством Суворова, своим итальянским походом, так и флот под начальством адмирала Ушакова своими действиями в Средиземном море, вплели неувядаемые лавры в венок русской военной славы*).

Строгая дисциплина, введенная в армии и преследование лиц, нарушающих ее, преследование начальников, превращающих солдат всвоих кр постных, привело к тому, что дворяне стали уходить в отставку и поступать в гражданские учреждения. Тогда Павел издал ряд указов, затрудняющих дворянам поступление на гражданскую службу. В 1798 году было воспрещено уходить в отставку до получения первого офицерского чина. Дворян, не служивших в армии и уклоняющихся от службы в выборных должностях, Павел повелел предавать суду. 12 апреля 1800 года был издан указ, по которому вышедшие в отставку из армии дворяне были лишены права поступать на штатскую службу.

Мероприятия, предпринятые Павлом I против дворянства, его борьба за повышение дисциплины в армии, увольнение бездеятельных и виновных в должностных преступлениях офицеров, создали ему массу врагов в дворянстве. Ведь почти все офицеры в армии в те времена были дворянами.

---

*) См. Морской Сборник. Колыбель русского флота. Париж. 1951 г.

X. ПАВЕЛ I И СУВОРОВ ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИИ

I

Безусловной ошибкой Павла I было только то, что реорганизуя русскую армию, он взял в основу ее реорганизации не гениальные принципы Суворова, а воинскую систему Прусского короля Фридриха Великого. Но надо помнить, как воспитывали Павла, кто его воспитывал и какие политические идеи ему внушали. Хотя Екатерина и не любила сына, но она старалась воспитать его в духе близких ей европейских политических идей. В этом духе влияли на него и главный воспитатель масон и вольтерьянец гр. Никита Панин и все его другие воспитатели. Известно, например, что один из его воспитателей С. А. Порошин заставлял Павла читать сочинения Монтескье, Гельвеция, Д'Аламбера и других французских "просветителей". Хотя воспитатели и не достигли цели и Павел не стал вольтерьянцем и атеистом, но они все же внушили ему мысль о первосходстве европейского над русским.

Павлу хорошо было известно неустройство русской армии в царствование его матери, а Фридриха II, как гениального полководца восхваляли в то время на все лады во всех странах Европы. Совершенно несомненно, что воинские принципы Суворова были на много выше принципов Фридриха II. Но, как известно, "несть пророка в своем отечестве". Если обвинять в отсутствии прозорливости Павла, не сумевшего должно оценить всю силу военного гения Суворова, то тогда за это же самое надо обвинять и Екатерину, при которой Суворов всегда играл только роль затычки в критических случаях, а его самобытные военные принципы не были применяемы во всей армии. Была еще и другая причина, почему Павел решил улучшать русскую армию на основе военной доктрины Фридриха Великого, а не Суворова: это недружелюбные отношения ,возникшие между ним и Суворовым.

Но в ненормальности отношений, которые сложились между Павлом и Суворовым, **виноват не только один Павел: виноват в них также и сам Суворов. Но больше всего виноваты враги Павла и Суворова.** Это они

постарались вырыть пропасть между острым на словцо Суворовым и самолюбивым, с издерганными нервами Императором.

Какая была необходимость Суворову, выходя раз от Цесаревича Павла, и так уже оплеванного всеми вельможами Екатерины II, пропеть:

Prince aborable
Despote imperable
то есть — "Государь восхитительный
Деспот сокрушительный".

Что это было: желание подделаться под господствующий тон сплетен, распускаемых окружением Екатерины или желание сострить, во что бы то ни стало, по адресу травимого всеми человека?

В зависимости от вкуса, эту шутку можно признать остроумной, но ее трудно признать умной и благородной. В ней трудно узнать умного и благородного Суворова.

Такая характеристика едва ли понравилась какому-нибудь правителю. Больно ранила она, наверное, и Павла ,всю жизнь третируемого матерью, ее фаворитами и вельможами. Но Суворов имел полное право сказать по поводу стремления Павла подражать военной системе Фридриха Великого: "...Я лучше прусского покойного великого Короля, я, милостию Божией, батальи не проигрывал. Русские прусских всегда бивали, что ж тут пренять... это де невозможно..."

Но Суворов уволен Павлом в отставку вовсе не за отрицательные отзывы о военных реформах Павла, как это обычно изображается.

Были и другие причины постигнувшей Суворова опалы. Графиня В. Н. Головина в своих воспоминаниях сообщает, что одной из основных причин ссылки А. В. Суворова в его имение Кончанское была пущенная графом Михаилом Румянцевым клевета, что Суворов будто бы волнует умы и готовит бунт.

"Во время коронации,— пишет графиня Головина, —князь Репнин получил письмо от графа Михаила Румянцева (сына фельдмаршала), который служил тогда в чине генерал-лейтенанта, под командой Суворова. Граф Михаил был самый ограниченный человек, но очень гордый человек и, сверх того, сплетник не хуже старой

бабы. Суворов обращался с ним по заслугам: граф оскорбился и решил отомстить. Он написал князю Репнину, будто Суворов волнует умы, и дал ему понять, что готовится бунт. Князь Репнин чувствовал всю лживость этого известия, но не мог отказать себе в удовольствии подслужиться и навредить Суворову, заслугам которого он завидовал. Поэтому он сообщил письмо графа Румянцева графу Ростопчину. Этот последний представил ему, насколько было опасно возбуждать резкий характер Императора. Доводы его не произвели, однако, никакого впечатления на кн. Репнина: он сам доложил письмо Румянцева Его Величеству и Суворов подвергся ссылке".

Увольнение Суворова состоялось 7 декабря 1796 года. 20 сентября 1797 года Суворов написал Императору просьбу о прощении.

12 февраля 1798 года князь Горчаков получил приказание ехать к Суворову и сообщить от имени Павла, "что если было что от него мне, я сего не помню; что он может ехать сюда, где надеюсь не будет повода подавать своим поведением к наималейшему недоразумению".

Но Суворов, приехав в Петербург, начал вести себя так что вызвал законное недовольство у Павла. В ответ на намеки Павла, что он готов его снова принять в армию, Суворов, как сообщает его биограф Петрушевский, "не переставал «блажить», не упуская случая подшутить и осмеять новые правила службы, обмундирование, снаряжение — не только в отсутствии, но и в присутствии Государя". Павел I " . . .переламывал себя и оказывал Суворову необыкновенную снисходительность и сдержанность, но вместе ес тем недоумевал о причинах упорства старого военачальника" (Петрушевский. "Генералиссимус князь Суворов". Т. I, стр. 390-391). Наконец, Павлу это надоело и он не стал удерживать Суворова, когда тот заявил, что хочет вернуться обратно в имение.

В данных случаях виноваты, конечно, оба, — несдержанный на язык Суворов и несдержанный в проявлениях своих чувств Павел. Фельдмаршал не пожелал считаться с самолюбием Царя, а Царь не пожелал считаться с самолюбием фельдмаршала. Если осуждается за несдержанность Павел, то почему за то же самое не осуждается Суворов? Своим резким ответом Суворов

дал Павлу серьезный повод зачислить его в число фрондирующих военачальников Екатерининской эпохи.

II

Когда же наступила необходимость в Суворове, как в опытном полководце, Павел I немедленно вызвал его и поставил во главе русского экспедиционного корпуса в Европе. Решив назначить Суворова командующим русскими войсками, отправляемых в Европу, Павел I написал ему следующий рескрипт, из которого видно все благородство его характера:

"Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого Бог простит! Римский Император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на то согласиться, а Ваше — спасать их. Поспешите приездом и не отнимайте у славы Вашей время, у меня удовольствие Вас видеть.

Пребываю к Вам благожелательный Павел".

Павел знал характер такого же, как он, горячего, но не злопамятного Суворова. Суворов поцеловал рескрипт Павла, отслужил молебен и немедленно тронулся в Петербург.

При встрече с Павлом I, Суворов, благодаря Императора за назначение, поклонился ему в ноги. А, как известно, Суворов не принадлежал к числу придворных льстецов.

Павел поднял престарелого фельдмаршала и возложил на него большой крест Иоанна Иерусалимского.

—"Господи, спаси Царя"— воскликнул Суворов.

—"Тебе спасать царей"— ответил Павел.

—"С тобою, Государь, возможно"— сказал Суворов.

За победы в Европе, как известно, Павел щедро наградил Суворова. Если Павел и не любил, может быть, Суворова, как человека, то он высоко оценил его как полководца. Суворов получил титул князя Италийского, звание Генералиссимуса, Павел приказал войскам отдавать ему такие же почести, как Императору. Решил при жизни воздвигнуть ему памятник. В рескрипте, написанном Павлом Суворову говорится, что все эти почести оказываются ему "за великие дела верноподанного, которым прославляется царствование наше". Павел хотел

устроить Суворову небывалую триумфальную встречу в Петербурге.

Но тут снова начинают свои козни враги Павла — его будущие убийцы. Главный организатор убийства Павла I "Пален разрушил в глазах Императора репутацию прибывшего в столицу одного из величайших русских героев"[20]). Боясь, что возвращающийся из Европы Суворов может помешать цареубийству, Пален постарался представить поведение Суворова так, как будто он все время систематически нарушает распоряжения Императора. Пален докладывал Павлу I, что во время походов в Европе, солдаты и офицеры неоднократно нарушали военные уставы: рубили на дрова алебарды, не носили ботинок, офицеры побросали понтоны и так далее.

Пален клеветал, что став кузеном Сицилийского короля, Суворов зазнался и ни во что не ставит награды, которыми отличил его Император, и что при этом он намеренно не торопится в Петербург, где Павел хотел оказать ему триумфальную встречу и отвести покои в Зимнем Дворце. При каждом удобном случае Пален продолжал наговаривать Павлу о "вызывающем поведении" Суворова. Так 19 марта, сделав скорбную физиономию, он доложил, что Суворов будто бы просит разрешения носить в Петербурге австрийский мундир.

Поведение австрийских генералов во время Итальянского похода Суворова, глубоко возмутило Павла и он пошел на разрыв с Австрией. И вдруг, Суворов, по донесениям которого Павел принял столь решительные меры, хочет ходить в Петербурге в австрийском мундире. Это мнимое желание Суворова вызвало вспышку гнева у Павла. Пален подогрел ее, сообщив Павлу о других дерзких "нарушениях" Царской воли со стороны Суворова.

Когда мы анализируем причины перемены отношения Павла к высоко вознесенному им Суворову, то нельзя забывать также, что дочь Суворова была замужем за Зубовым, одним из участников заговора против Павла. Павел мог подозревать, что муж дочери Суворова участвует в заговоре против него.

Вполне возможно, что и Зубовы старались настро-

---

20) Г. Н. Богданович. Аракчеев. стр. 21.

ить Суворова на разные выходки против Павла, которые подтверждали бы вымыслы Палена о "вызывающем поведении" старого фельдмаршала.

Павел, чувствовавший, что дни его близятся к концу, может быть подозревал, что и Суворов состоит в числе тех, кто желает его лишить престола. 20 марта по совету Палена Павел издал приказ об отмене триумфальной встречи и потребовал от Суворова объяснений, почему он и его подчиненные нарушают военные уставы и приказы Царя.

Негодяй Пален и другие заговорщики торжествовали. Великому полководцу, недоумевавшему, чем он не угодил так обласкавшему недавно его, Императору — не было устроено никакой встречи.

По приезде в Петербург Суворову было заявлено от имени Императора, что Тот не желает встретиться с ним.

Но имеются свидетельства современников, что во время похорон Суворова, Император поклонился его гробу, весь день был мрачен, а ночью плохо спал, часто повторяя: "Жаль, жаль".

Такова истинная историческая подоплека "нелепого "отношения Павла I по отношению к Суворову. Все было подстроено заговорщиками так, что ни Суворов не мог понять "странного" поведения Императора, ни Император не менее "странного" поведения знаменитого полководца.

Если внутренняя политика Императора Павла характерна стремлением повернуть Россию на исторический путь, то армию он, наоборот, старается перестроить на европейский лад. Русская военная доктрина сменяется прусской муштровкой: стали вводиться пукли, косы, парики, пудра, неудобные мундиры и штиблеты, начинаестя беспрестанная бездушная муштровка солдат.

"В общем же царствование Императора Павла I, как правильно считает А. Керсновский, не принесло счастья русской армии".

"Русская военная доктрина — цельная и гениальная в своей простоте — была оставлена. Мы покинули добровольно наше место — первое место в ряду европейских военных учений, чтобы стать на последнее мало почетное место прусских подголосков, каких-то под-пруссаков".

XI. НАДЕЖДЫ МАСОНОВ НА ПАВЛА I НЕ ОПРАВДЫВАЮТСЯ. РАЗРЫВ ПАВЛА I С МАСОНСТВОМ.

Став Императором, Павел вернул из ссылки и тюрем Новикова и других масонов, наказанных Екатериной. Но это был акт скорее дружеского расположения к ним, как людям, чем как к масонам.

"...первое время по восшествии на престол, Павел оказал покровительство масонам ,особенно тем, которые по его мнению, пострадали за него. На другой день после смерти Екатерины он освободил Новикова и всех замешанных в дело мартинистов. Кн. Куракин, кн. Репнин, Баженов, Лопухин были вызваны ко двору и щедро вознаграждены.

Затем был освобожден от надзора И. В. Лопухин, кн. И. И. Трубецкой и И. П. Тургеневу разрешено выехать из деревень, куда они были сосланы и жить, где пожелают. Вышел указ о возвращении из Сибири сосланного туда в 1790 г. Радищева. Повышены и отличены орловские масоны З. Я. Карнеев и А. А. Ленивцев. Отличены М. М. Херасков, И. П. Тургенев, кн. Н. В. Репнин произведен в фельдмаршалы на третий день по воцарении Павла. Масоны торжествовали, но не надолго"[21]).

Надежды масонов, что Павел будет послушным орудием масонства, не оправдались. Это-то и послужило впоследствии главной причиной его трагической гибели и клевете на него при жизни и после его смерти.

"Павел подражал,— пишет в своих воспоминаниях Саблуков, —Фридриху Прусскому и введенной им военной системе; кто этим не увлекался, но он сохранил полную самостоятельность своих взглядов и религиозных убеждений." "К счастью для Павла, — он не заразился бездушной философией этого монарха и его упорным безбожием. Этого Павел не мог переварить и, хотя враг насеял много плевел, доброе семя все-таки удержалось".

Будучи всегда глубоко религиозным человеком Павел ,несмотря на свое вступление в масонскую ложу, остался православным христианином. События во Франции еще более усилили его религиозность. Молясь Богу,

---

21) В. Иванов. От Петра I до наших дней, стр. 239.

он часами простаивал на коленях перед иконами в своей домашней церкви в Гатчинском дворце.

Большую роль в перемене взглядов Павла на масонство сыграли убежденные противники масонства Аракчеев и граф Ростопчин.

—"...Я воспользовался случаем,— рассказывал гр. Ростопчин, —который мне представила поездка наедине с ним ,в карете, в Таврический дворец. Возразивши на одно его замечание, что Лопухин был только глупцом, а не обманщиком, как товарищи его по верованиям, я затем распространился о многих обстоятельствах, сообщил о письме из Мюнхена, об ужине, на котором бросали жребий (убить Императрицу), об их таинствах и проч., и с удовольствием заметил, что этот разговор нанес смертельный удар мартинистам и произвел сильное брожение в уме Павла, крайне дорожившего своей самодержавной властью и склонностью видеть во всяких мелочах зародыши революции. Лопухин, успевший написать всего один указ о пенсии какой-то камер-юнгфере, отправлен в Москву сенатором; Новиков, которого, по освобождении его из тюрьмы, Император полюбопытствовал видеть, был затем выслан из Петербурга и отдан под надзор; священник Матвей Десницкий, впоследствии митрополит Петербургский, остался при своем церковном служении; но многие лишились прежнего влияния, потеряли всякое значение и стали жертвами весьма язвительных насмешек Государя".

Поняв, что Павел I не намерен делить свою власть с масонством и играть предназначенную ему роль Царя-масона, русские масоны стали во главе враждебно настроенных к Павлу кругов дворянства. Сделать это было русским масонам не трудно. Ведь 95% русских масонов того времени были представители аристократии и дворянства. **Если не каждый дворянин был масоном, то почти каждый масон был дворянином.** Своекорыстные интересы дворянства и политические вожделения масонства сошлись. И русское дворянство и русские масоны **приступили к организации очередного дворцового переворота.**

XII. МАСОНСКИЙ МИФ О "СУМАСШЕСТВИИ" ПАВЛА I В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

I

"Народ был счастлив,— пишет А. Коцебу, —его никто не притеснял, вельможи не смели обращаться с ним с обычной надм нностью, они знали, что всякому возможно было писать прямо государю, и что государь читал каждое письмо. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-либо несправедливости, поэтому страх внушал им человеколюбие"[22]).

"Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять Императора, хотя и не все сознавали это".

Пускай А. Коцебу несколько преувеличивает, Павел Первый не смог сделать столько, чтобы основная масса народа могла благословлять его, но несомненно что народу в результате предпринятых Павлом мероприятий, стало жить все же легче, чем при Екатерине II.

"Народ был восхищен, был обрадован, приказания Его чтил благодеянием, с неба посланным...

Дозволяю себе смело и безбоязненно сказать, что в первый год царствования Павла народ блаженствовал, находил суд и расправу без лихоимства, никто не осмеливался грабить, угнетать его, все власти предержащие страшились ящика..." Так оценивал А. И. Тургенев, видный масон, весь **первый год** царствования Павла I.

А вот, в каком тоне он изображал **позже, когда появилась необходимость оклеветать Павла I — второй день его царствования.**

"Первым геройским подвигом нового царствования,— пишет он, —была непримиримая, беспощадная борьба с самыми страшными врагами русского государства: круглыми шляпами, фраками и жилетами. На другой же день двести полицейских бегали по улицам и по особому распоряжению срывали со всех прохожих круглые шляпы, которые тут же уничтожались: у всех фраков обрезывались торчащие воротники, а жилеты разрывались на куски. В 12 часов по улицам уже не видно было круглых шляп, фраки и жилеты были унич-

---

22) Записки Августа Коцебу.

тожены и тысячи жителей Петербурга спешили в свои жилища полунагими".

Разница в характере и тоне описания, как видим, разительная. Во втором отрывке бросается в глаза сильная утрировка и преувеличенность в описании поведения полицейских.

Полицейские наверное предлагали сдать шляпы, а не срывали их с головы, пострадали от этого мероприятия сотни, а не тысячи жителей и т .д.

А. И. Тургенев постарался создать полное впечатление о бессмысленности этой борьбы с круглыми шляпами и фраками. Но никакой бессмысленности в данном случае не было. Это было гораздо более осмысленное мероприятие, чем приказ Петра жителям Москвы, в течение нескольких дней переодеться из русского платья в немецкое. Петр I решил переодеть жителей Москвы в иноземное платье только потому, что ему так захотелось. Павел I приказал отнимать круглые шляпы, жилеты и отрезать воротники с фраков, потому что все это было как бы мундиром французских якобинцев. Павел приказал снимать у русских якобинцев только якобинские шляпы, а французские якобинцы снимали головы у всех заподозренных в пристрастии к монархии. Если бы во Франции тех дней приверженцы короля осмелились появиться в костюмах, принятых при дворе Людовика XVI, демонстрируя этим свою приверженность убитому королю, то за таковую демонстрацию они немедленно лишились бы головы. А тут, подумайте, какой "дикий приказ" отдал сумасшедший русский Император — приказал снимать якобинское одеяние с потерявших всякое чувство меры, русских якобинцев.

Противоречивость свидетельств масона А. Тургенева о "сумасшедшей выходке" Павла I во второй день царствования, и оценка сделанного им в первый год царствования, бросается в глаза каждому беспристрастно мыслящему человеку. Попытка же А. Тургенева, как и других, подобных ему "очевидцев", доказать, что Павел I был нормален только в первый год царствования, а затем он почти лишился рассудка — является обычной политической клеветой.

II

Как на яркое доказательство ненормальности Павла Первого приводят, например, "факт", что однажды на параде он скомандовал неугодившему ему плохой выправкой полку:

—Шагом марш... в Сибирь.

На самом деле это не исторический факт, а историческая ложь врагов Павла I. Ни один из историков не смог установить **название полка,** которому Павел I отдал, будто бы, такой приказ.

Врагами Павла распускаются слухи о том, что Павел сошел с ума. **Всякий поступок Павла дополняется такими подробностями, ретушируется так, чтобы представить его полусумасшедшим.** Кто из слушателей за пределами дворца может знать, как происходило дело в действительности. А как известно, добрая слава на печи лежит, а худая на тараканьих ножках по свету бежит.

Побежала дурная слава на тараканьих ножках и про "ненормальные выходки" Императора Павла. А истина всегда отстает от клеветы и легенды. Даже сейчас, спустя сто пятьдесят лет после подлого убийства Павла, не только рядовые обыватели, но и историки плохо различают клевету от истины и неверно судят о духовном облике несчастного Императора Павла I.

Я не хочу и не могу утверждать, что Павел отличался постоянством характера и совершенно не неповинен во всех тех поступках, которые ему приписываются. Издерганный жизнью, **обманываемый и провоцируемый** окружавшими его придворными — его тайными врагами, Павел, конечно, не один раз мог потерять душевное равновесие и, в состоянии возбуждения, отдавать приказания, которые могли казаться странными для нормального человека. Но я сомневаюсь, чтобы Павел, совершил все те поступки, которые ему приписываются, и уверен, что на совершение ряда их он был сознательно спровоцирован окружавшими его заговорщиками.

Мы видели, какие провокационные действия употреблял Пален, чтобы востановить Павла против вернувшегося из Европы Суворова и вызвать всеобщее недоумение "внезапной" опалой прославленного полководца. Для людей не знавших о провокационных действиях Палена, отмена триумфальной встречи, запрещение Суворо-

ву появляться во дворце, представляются явным доказательством сумасшествия Павла. Но если знать, как изображал поведение Суворова Пален, **все дело представляется совершенно в другом свете.**

А сколько раз Павел I был спровоцирован приближенными на другие, кажущиеся столь же странными поступки? Сколько раз?!

Павла I его враги неоднократно намеренно старались вывести из душевного равновесия и толкнуть на совершение поступков, которые они могли бы использовать для создания легенды о его ненормальности. Это совершенно несомненно.

Провокаторское поведение Палена в случае, когда он добился отмены триумфальной встречи Суворова, не единичный случай. **Таких случаев было много и очень много. На этот счет мы имеем твердые свидетельства современников.**

Князь П. П. Лопухин утверждал, что Павел **"вовсе не** был сумрачным и подозрительным тираном, **каким его умышленно представляют.** Напротив того, природные его качества были откровенность, благородство чувств, необыкновенная доброта, любезность и весьма острый и меткий ум. Когда он был в хорошем расположении духа, нельзя было найти более приятного и блестящего собеседника, никто в этом отношении не мог сравниться с ним, не исключая Императора Александа Павловича, об уме и любезности которого так сильно говорят"[23]).

Но спрашивается, часто ли жизнь давала Павлу I возможность иметь хорошее расположение духа до восшествия на отнятый у него матерью Престол и во время царствования? Нет, очень и очень мало.

Князь Лопухин утверждает, что "были около Императора люди злонамеренные, которые пользовались его раздражительностью, а **в последнее время даже возбуждали е , чтобы для своих целей сделать Государя ненавистным".**

И Лопухин утверждал правду. **Павла систематически и намеренно толкали на поступки, которые служили поводом для систематической и намеренной клеветы против него.**

Коварные царедворцы, по свидетельству И. И. Дмит-

---

[23]) Воспоминания князя П. П. Лопухина.

риева, продолжали "строить ковы друг против друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недоверчивость в государе, по природе добром, щедром, но вспыльчивом. От того происходили скоропостижные падения чиновных особ..." (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, стр. 143).

Не могли же заговорщики мотивировать свое намерение убить Павла тем, что он хочет быть народным царем, а не дворянским, что дворяне хотят восстановить жалованную грамоту дворянству и отнять льготы, данные Павлом I крестьянству. У заговорщиков, как всегда в таких случаях **оставался только путь кл веты, провокации и самых безнравственных интриг.** Другого пути устранить Павла не было и **враги Павла пошли по этому единственному преступному пути.**

Понимая это честный историк должен очень осторожно относиться к "доказательствам сумасшествия Павла".

III

Заговорщики не только провоцировали Павла на невыгодные для него действия, в результате которых он отталкивал от себя верных людей, но часто сами самовольно проводили нелепые мероприятия, ссылаясь на то, что будто он отдал такие распоряжения.

Пален знал, что стоит Павлу успокоиться, как он одумается и отменит отданное в пылу гнева приказание, на которое натолкнул его своими наговорами он же Пален. Поэтому Пален поступал обычно так: как только Павел разгорячившись отдавал какое-нибудь приказание, Пален старался немедленно привести его в исполнение. Овладев собой , Павел говорил Палену, чтобы он не вздумал исполнять то, что он говорил в состоянии раздражения, но тут выяснялось, что приказание было уже отдано. Павел все же отменял отданное в припадке раздражения приказание, чем еще больше портил себе, так как создавалось впечатление, что он сам не знает чего хочет. А это то и было нужно заговорщикам.

Однажды, стоя у одного из окон дворца, Павел заметил пьяного мужика и сказал:

—Вот ведь идет мимо Царского дворца и шапки не снимет.

Спустя долгое время, Павел заметил, что на площади перед Михайловским дворцом, в сильный мороз, стоит толпа просителей без шапок.

—Почему это люди стоят без шапок? Сегодня же сильный мороз, — спросил Павел.

—По высочайшему повелению Вашего Императорского Величества.

—Никогда я этого не приказывал, — возразил Павел.

Известен случай, что Павел сильно негодовал, когда узнал о приказе, отданном от его имени об обязательной замене в Петербурге русской упряжи на немецкую.

В качестве несомненного доказательства сумасшествия Павла I приводят будто бы его приказ перекрасить все дома и заборы Петербурга полосами, в те цвета, в которые красились шлагбаумы. На самом деле этот приказ отдал Петербургский губернатор Архаров, правая рука организатора убийства Павла I —Палена.

"Все это падает на нашего доброго Императора,— писала Императрица Мария Федоровна про этот случай Нелидовой, — который несомненно и недумал отдавать подобного приказания, существующего, как я знаю, по отношению к заборам, мостам и солдатским будкам, но отнюдь не для частных домов. Архаров — негодяй".

Не будем опровергать всех других клеветнических измышлений по адресу Павла I. На опровержение их потребуется несколько огромных томов. И приведенных фактов достаточно, чтобы доказать, что совсем не всегда Павел виноват в тех приказах, которые ему приписывают. Любой самый здравый приказ при желании можно извратить так, что автор его покажется ненормальным человеком.

А такое желание у врагов Павла I было. Они проявили большую активность, чтобы доказать дворянам и иностранным послам, что Павел I постепенно сходит с ума и что для "пользы отечества" необходимо лишить его власти. И им удалось доказать это тем, **кому было выгодно поверить в эту клевету.**

Делалось все, чтобы дискредитировать Павла и представить его в глазах высших кругов общества ненормальным и деспотом. Клевета на верных Павлу лиц, саботаж, тайные интриги — **все применялось его врагами.**

По мнению масонов, Павел был невменяем и своим деспотическим характером вел государство к гибели.

"Панин, Пален, Бенигсен, непосредственные убийцы Павла, и идейно с ними связанные Воронцовы, Кочубей, Новосильцевы, вот от кого шла мысль, что Павел ненормален и что за благо для государства и народа необходимо устранить его от престола. Масонская камарилья пустила эту чудовищную клевету у себя дома и заграницей, чтобы оправдать свое гнусное злодейство. Это масоны Пален и Панин убедили Александра, что его государь отец ведет государство и народ к гибели.

Безусловно Павел имел вспыльчивый и раздражительный характер, допускал резкости в припадке гнева и раздражения, но он никогда не был ни деспотом, ни тираном, как его изображали масоны"[24]).

IV

В воспоминаниях современников Павла I и в хранящихся в архивах документах есть много материалов, опровергающих тенденциозную трактовку личности Павла I и его царствования. **Но историки не желали пользоваться этими документами и свидетельствами очевидцев.** Покажем это только на одном примере. Во многих историях и воспоминаниях, изданных как в России, так и заграницей, описывается о сильном восстании крестьян в Новгородской и Тверской губерниях в 1797 году. Сообщается, что на подавление восстания во главе нескольких полков был послан фельдмаршал Репнин, о кровавых расправах его с бунтовщиками и т. д.

Все эти сведения высосаны из пальца. С. Н. Шубинский, изучивший подлинное дело о мнимом организаторе этого мнимого восстания поручике Федосееве, хранившееся в Правительственном Сенате, пишет, что:

"Во всех этих показаниях, а также и в донесениях Маслова **нигде** не упоминается о том, чтобы слова Фе-

---

24) В .Ф. Иванов. От Петра I до наших дней, стр. 263.

досеева произвели не только "возмущение", но даже какое-либо волнение между крестьянами"[25]).

Одна из обширнейших монографий, посвященных Павлу I — монография Н. Шильдера "Император Павел Первый" является вместе с тем образцом сознательной клеветы по адресу Павла I. Злой насмешкой является посвящение сего исторического труда памяти кн. Лобанова-Ростовского, того самого, который записал воспоминания П. П. Лопухина, который по словам Лобанова "не может говорить об Императоре Павле без самого трогательного чувства признательности. При имени Павла нередко слезы навертываются на его глазах. Государь, по его словам, вовсе не был тем сумрачным и подозрительным тираном, каким его умышленно представляют".

Монография Н. Шильдера ставит своей целью умышленно представить Павла I именно сумрачным и подозрительным тираном, лишившимся вдобавок рассудка. Н. Шильдер любовно собрал все образцы тех, по словам Лопухина злонамеренных вымыслов, коими так щедры насчет Императора Павла.

Приходится только удивляться как только подобная клеветническая книга могла появиться в монархическом государстве.

Положительных отзывов современников об императоре Павле Н. Шильдер обычно не приводит. А. А. Башилов флигель-адьютант Павла I в своих воспоминаниях, например, также как и Лопухин отвергает вымысел о ненормальности им. Павла, но Шильдер из воспоминаний А. А. Башилова приводит только то место в котором он говорит, что приезд его к матери внушал почтение и страх.

А вот еще более разительный случай извращения исторических фактов.

О казни преданного им. Павлу полковника лейбгвардии казачьего полка Е. Грузинова, оклеветанного заговорщиками и казненного на Дону несмотря на помилование Павла Шильдер пишет:

"Правосудие страдало не менее литературы, а при-

---

25) С. Н. Шубинский. Исторические очерки и рассказы. Третье издание. С. Петербург. 1893 г., стр. 333.

говоры стали напоминать по жестокости самые темные страницы русской истории.

26 апреля 1800 года, гвардии поручик Петр Осипович Грузинов был наказан кнутом в Старочеркасске на Дону, а 5 сентября того же года брат его полковник засечен кнутом до смерти".

Н. Шильдер не мог не знать кто был истинным виновником казни преданного Павлу человека, но все же считает возможным это гнусное дело заговорщиков возлагать на Императора Павла.

Книга Шильдера о Павле I является гнуснейшим образцом русской лже-истории.

Только однажды Н. Шильдер сказал правду о Павле написав, что "измена не отходила от него и должна была сопутствовать ему до гробовой доски — таков был приговор судьбы."

А в "Истории Лейб-Гвардии казачьего Его Величества полка" (С.-Петербург, 1876 г.) читаем, например, следующее:

"Нельзя, однако не сказать и того, что между подобными Высочайшими приказами, были и приказы, выражавшие гнев Императора. Так в приказе 17 сентября 1798 года изображено:

"свиты Его Императорского Величества Полковник, Грузинов I, за ложное себя рапортование больным через 9 недель, исключается из полка, и посылается на Дон, с фельдегерем".

Приказ этот наводит на размышления — каким образом человек, всегда бывший у Государя на лучшем счету, пользовавшийся Монаршими милостями, еще недавно повышенный чином и принятый в свиту Его Величества, всегда исполнительный по службе — что было не раз засвидетельствовано в приказах, изъявлявших ему высочайшую благодарность — каким образом этот человек мог так неожиданно навлечь на себя Монарший гнев и, притом, непонятною виною — уклонением от служебных обязанностей?.. С другой стороны — чем может быть объяснена быстрая высылка его на родину, с фельдегерем? (стр. 36-37)".

Затем был уволен и брат Грузинова — Грузинов 2-й и подполковник Греков.

"Два брата, оба пользовавшиеся хорошею репутациею и постоянно получавшие повышения, вдруг, в течении одного полугодия, навлекают на себя неудовольствие Монарха и удаляются от службы вместе с сотоварищем своим, тоже удостоенным Царскими милостями... Чем разъяснить причину такого резкого переворота?

Очевидно, что в настоящем случае осталось что-то недоговоренным... Это недоговоренное начинает выясняться только теперь, хотя и не вполне...

Верно одно: находясь на Дону, после высылки из столицы, полковник Евграф Осипович Грузинов I, а также и брат его, Грузинов 2-й, да Войска Донского есаул Котламин, хорунжий Чеботарев и сотник Афанасьев, были оговорены в государственной измене и умерли в Черкасске на эшафоте. Это печальное дело братьев Грузиновых имеет слишком важное значение для Истории Лейб-Гвардии Казачьего полка Его Величества и заслуживает полного внимания, особенно в настоящее время, когда, благодаря новейшим разъяснениям представляется уже возможным снять с памяти братьев Грузиновых и с памяти других, пострадавших с ними донцов, бесчестье государственного преступления, и тем доказать, что на страницах истории Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка не может быть места какому бы то ни было повествованию об измене верных государевых слуг".

Вот вкратце содержание напечатанной в журнале "Русская Старина", за 1873 год, заметки о деле братьев Грузиновых (кн. II, 1873 г. "Казнь братьев Грузиновых", статья А. А. Карасева):

"Многим из лиц, приближенных к Императору Павлу, не нравилась особенная привязанность Его к полковнику Грузинову, исполнявшему все царские секретные поручения и находящемуся неотлучно, **даже ночью, при государе.** Они употребляли все усилия, чтобы очернить Его любимца, стараясь даже оклеветать его в измене... Но, долго, все старания не могли возбудить в Императоре искру подозрения. Тогда враги Грузинова прибегли к следующему способу удалить его: они убедили Государя отпустить его на Дон, для свидания с родными, объясняя, что, почувствовав себя на свободе, он обнаружит дерзкие замыслы против своего Благодетеля. Император склонился на эту хитрость. Грузинов отказы-

вался от спутника, но потом согласился. Этого только и нужно было злоумышленникам: они отыскали какие-то улики, успели истолковать в превратном виде действия Грузинова и довели до того, что Император поверил им и дал приказание — произвести строжайшее исследование.

Среди нахождения в отпуску, в Черкасске, Грузинов был схвачен, посажен в тюрьму и закован в кандалы. Его обвинили в самых невероятных и неправдоподобных преступлениях, как например: будто он похвалялся, что возьмет Константинополь и населит его разных вер людьми, учредит там свой сенат и управление; что и Москва затрясется и, при этом, будто бы дерзко отозвался об особе Государя Императора. На всех допросах и священнических увещеваниях Грузинов отвечал одно: "что в кандалах он говорить не может, да и не знает, что ему говорить", и прибавлял, "что если бы Сам Государь видел его, то поверил бы в его невинность".

"Но враги не переставали действовать: **следствие и суд окончены самым поспешным образом** и, вскоре, последовала смертная казнь всех участников, признанных виновными. **Неизвестно — была ли на то конфирмация Государя;** известно только, что черкасский прокурор протестовал, и что Император Павел, столь же быстрый в милости, как и в гневе, **послал указ о помиловании;** но, благодаря людям, стремившимся погубить верных слуг Царских, этот указ объявили уже после казни, и когда Император о том узнал, то немедленно отдал под суд генералов Репнина и Кожина, посланных из Петербурга для наблюдения над производством на Дону следствия по делу Грузинова и его товарищей" (стр. 38-41).

Казнь Евграфа Грузинова, несомненно, дело масонских рук. Им нужно было обязательно удалить преданного Императору Павлу человека, который находился при нем не только днем, но и ночью. А ведь убить Павла было решено заговорщиками именно ночью. Методы действия — чисто Палеховские: сначала возбуждается подозрение в верности Грузинова и его несчастных товарищей в государственной измене и, с помощью своих людей, **спешно казнят всех, несмотря на помилование Императора Павла.**

Клеветали на Императора Павла I при жизни, кле-

вещут и до сих пор, сто пятьдесят лет спустя после его убийства. Крупный "вклад" в клеветнические измышления о Павле I сделал Д. Мережковский. Ключевскому приписывают следующую весьма меткую характеристику Д. Мережковского, как "исторического романиста":

"О Димитрие же Мережковском ведайте, что правда ему не дорога, жива бы была лишь тенденция".

"Мастерски оперируя светом и тенью, замалчивая направленные ко благу народа мероприятия Павла Первого, его глубокую, искреннюю религиозность и благородную рыцарственность, он ярко освещает дефекты его вполне понятной в той обстановке нервозности. В результате — трагический паяц, при взгляде на которого волосы встают дыбом"[26]).

Одним из ярких примеров недобросовестного стремления оклеветать во что бы то ни стало Павла I, является книга проф. Зызыкина "Тайны Императора Александра I". Е. Шильдкнехт, в опубликованной в журнале "Владимирский вестник" (№ 29) статье, совершенно резонно указывает, что:

"Вся первая часть книги, говорящая о последних днях царствования Императора Павла I, чрезвычайно тенденциозна и с исторической точки зрения не выдерживает никакой критики. Чтобы как нибудь объяснить если не оправдать преступное согласие Цесаревича Александра на устранение своего отца, проф. Зызыкину приходится прибегнуть к легенде о безумии Павла I. На чем же он базируется? На дворцовых сплетнях, на письмах каких-то иностранных резидентов, на книге Мориса Палеолога, все сочинения которого отдают по глубине мысли плохонькими бульварными романами. Это не серьезно, но есть хуже: поводы для заговора на жизнь Императора Павла I он находит в **"свидетельских" показаниях его убийц.** Автор игнорирует, а может быть и не знаком с книгой Леона де ля Бриера "Оклеветанный русский", написанной честным и беспристрастным иностранцем- бельгийским монахом, жившим в России при Павле I. Ссылаясь на иностранцев он мог бы упомянуть и о записке шведского посланника Стединга.

---

[26]) Б. Ширяев. Пророк своего поколения. "Наша Страна" № 110.

Совершенно фантастична выдумка о желании Павла, вопреки им же созданному закону о престолонаследии, сделать наследником престола принца Вюртембергского, который на стр. 15-ой назван принцем, а на стр. 20-ой герцогом.

Все эти фантазии исходят из предпосылки будто Павел был сумасшедшим. Где доказательства? А вот они: Палеолог пишет: "Глас Европы и всего ее народа(!!) слились в одном мнении, что не может долее царствовать сумасшедший". О мнении Наполеона (тоже ведь глас Европы), сказавшего по поводу убийства Павла: "какая непоправимая потеря", Зызыкин умалчивает. Все его свидетельства носят характер сплетни. Один "слышал" от окружающих царя лиц, что царь сошел сума, другой "передает со слов..." и т. д. Но есть еще одно свидетельство очевидца: "он видел, как после концерта Павел остановился перед Императрицей, уставился на нее скрестив руки с язвительной усмешкой". Почему это доказывает ненормальность? Павел несомненно был несдержан и его жест показывает только, что он был чем-то возмущен и нашел нужным это показать И еще "у Императора Павла была кухарка, готовившая в особой кухне, так как он боялся отравления". А так как один раз он был отравлен и только чудом спасся, чего как будто бы Зызыкин не знает, то эта предосторожность доказывает не сумасшествие, а благоразумие".

"...Явная клевета по старинному масонскому правивилу: "клевещите, клевещите, что-нибудь да останется". Но и этого мало: Зызыкин ничтоже сумняшеся "ссылается на свидетельства" сутенера и убийцы Зубова и наконец на главного, хотя и закулисного организатора преступления, английского посла Уинтворта. Само собою разумеется, не упущен и анекдот о ссылке с плацдарма в Сибирь какого-то полка".

XIII. МАСОНЫ ОРГАНИЗУЮТ ЗАГОВОР ПРОТИВ ОКЛЕВЕТАННОГО ИМИ ПАВЛА I

I

В 1800 году князь Чарторыйский писал, что высшие классы были более или менее убеждены, что Павел становится ненормальным. Первая половина задачи была

выполнена. Версия о сумасшествии Павла получила широкое распространение. Теперь можно было приступить к выполнению второй части задачи — свержению Павла.

Кто организовал заговор и убийство Павла? На этот вопрос можно ответить определенно — масоны и аристократия. Если не каждый дворянин был масоном, то 90-95 процентов масонов были дворянами, **то есть почти каждый масон был аристократом или дворянином.** Русским масонам и иностранным масонам ,в первую очередь, английским, принадлежит руководящая роль в убийстве Павла, жестоко обманувшего надежды масонов, что он будет царем-масоном.

Раньше всего план свержения Павла возник не у кого-либо другого, а **у племянника его воспитателя Н. И. Панина—у Никиты Петровича Панина.** Панин проектировал ввести регентство над "сумасшедшим" Павлом, причем регентом над "помешавшимся" отцом должен был быть **воспитанный швейцарским масоном Лагарпом в республиканском духе, Александр.** То есть дворянство и масоны не желали считаться с введенным Павлом I законом о престолонаследии и **возвращались к утвердившейся после Петра практике возведения на Престол Государей устраняющих дворянство.**

План регенства обсуждался Паниным в глубокой тайне и имел все черты заговора. Проф. Зызыкин в своей книге "Тайны Императора Александра I", оправдывает организацию заговора Никитой Паниным.

"Действовать **открыто и благородно было невозможно** и никто из друзей Панина не осудил его за этот план" (?!).

Заговор Панина не удался, так как в 1800 году Н. П. Панин был удален Павлом из столицы. Но Панин только сделал вид, что отстранился от участия в заговоре, но на самом деле принимал в нем участие и пользовался большим влиянием среди заговорщиков. Это доказывает его **присутствие во дворце в ночь убийства Павла.**

В дневнике Пушкина за 1834 год имеется следующая запись о том, как к Трощинскому, находившемуся в опале, в 2 часа ночи приехал фельдегерь. Трощинский думал, что его вызывает Павел.

"Трощинский не может понять, что с ним делается, пишет Пушкин. Наконец видит он, что ведут его на половину Великого Князя Александра. Тут только догадал-

ся он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Панин, обнял и поздравил с новым Императором".

Каким образом Н. П. Панин мог оказаться в Зимнем Дворце **через два часа после убийства,** если он не был активным участником заговора?

О том, что Панин играл видную роль в заговоре и убийстве Павла свидетельствует и отношение к нему Александра I и Николая I. Александр I вскоре удалил Панина и запретил жить ему в Петербурге так же как и Палену. Николай I оставил это распоряжение в силе.

II

После удаления Павлом Никиты Панина из Петербурга во главе заговора становится прибалтийский немец Пален, втершийся в доверие к Павлу. Пален стремится уже не к установлению регенства и даже не к свержению Павла, а ставит целью заговора убийство Павла I.

Пален, по характеристике Ростопчина, был настоящий демон интриги и истинный сын Маккиавелли. И, действительно, читая циничные признания Палена о том, как он обманывал Павла, Императрицу, сыновей Павла, видишь, что этот человек совершенно лишен совести. Не лучше были в нравственном отношении и другие участники заговора. Каждый из них по справедливой оценке Ростопчина "заслуживал быть колесованным без суда".

1 октября 1797 года Пален так распинался в своей преданности Павлу I: "...уведомился он о всемилостивейшем помещении его на высочайшей службе, просил удостоить принять подобострастное приношение живейшей благодарности и купно всепреданнейшего уверения, что он жизнь свою по гроб посвящает с радостью высочайшей службе и для того перед лицом его, Государя, повергает себя к освященным стопам Его Величества".

А после убийства Павла, получивший от Павла I графское достоинство, Пален цинично заявлял, что "за что другое, а за это сумею дать отчет Богу".

Как все благородные люди, Павел был доверчив. На использовании этой черты характера Павла и пост-

роил свой план действия Пален. Он бесстыдно пользовался доверчивостью Павла, изображая действительно преданных ему лиц, как Аракчеева и Ростопчина и других преданных Павлу людей — как его тайных врагов, а тайных врагов Павла, участников заговора, изображал, как самых преданных ему лиц.

Пален достиг высоких постов и заслужил доверие Павла в результате сложной интриги, проведенной заговорщиками против Аракчеева. Заговорщикам удалось оклеветать Аракчеева и добиться удаления его из Петербурга. На место Аракчеева заговорщиками единодушно был рекомендован Пален. Пален стал начальником полиции и тайной канцелярии. Пален рекомендовал Павлу уволить "ненадежных" лиц **и заменить их участниками заговора.**

"...Масоны постепенно осуществляют план полного окружения Императора. Гр. Пален, оставаясь петербургским военным генерал-губернатором, сосредоточил в своих руках все нити государственного управления. Генерал-прокурором был назначен масон П. В. Лопухин. Были приближены ко двору масоны Голенищев-Кутузов, обер-гофмаршал Нарышкин и обер-камергер гр. Строганов.

Масон Кочубей, друг детства наследника Александра Павловича, в 1798 г. был назначен вице-канцлером и возведен в графское достоинство. В 1801 г, по удалении гр. Ростопчина попрежнему вицеканцлером стал кн. А. В. Куракин. Генерал-прокурор Обольянинов, член масонской шайки, в 1800 г. был назначен заведывающим Тайной Экспедицией. Это назначение было громадным завоеванием масонов. Рожерсон в письме к гр. Воронцову писал: "...теперь, слава Богу, у нас есть свой"[27]).

Павлу Пален давал понять, что он не может надеяться на верность своей жены и своих сыновей. Сыновьям же Павла и Императрице Пален сообщал, что Император считает их участниками заговора против него и что он намеревается заключить Императрицу в монастырь, а сыновей в крепость.

Великого Князя Александра Пален долго и искусно провоцировал, прежде, чем он получил от него согласие на свержение отца. Тут необходимо опять отметить, что

---

[27]) В. Иванов. От Петра I до наших дней.

первый, кто начал настраивать Александра против отца, был Гр. Н. П. Панин.

"Паниным,— как пишет друг Александра Чарторыйский, —были пущены в ход все доводы, чтобы подействовать на душу молодого князя, чтобы вынудить у него решение принять участие в деле, столь сильно идущим вразрез с его чувствами". Вполне возможно, что сам Пален настоял, чтобы Павел выслал Панина, дав ему понять о том, какие разговоры тот ведет с князем, так как Пален стоял не за регенство, а за убийство Павла. Палену нелегко удалось уговорить Александра дать свое согласие на участие в заговоре".

—"Я,— говорил Пален, —старался разбудить самолюбие Александра и **запугать** альтернативой — возможностью получения трона, с одной стороны, и грозящей тюрьмой или даже смертью, с другой. Таким образом **мне удалось подорвать у сына благочестивое чувство к отцу** и убедить его принять участие в обсуждении вместе со мной и Паниным способов, как ввести эту перемену, необходимость которой он и сам не мог не признавать".

"Сперва Александр был видимо возмущен моим замыслом. Он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается Империя ,а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать **и решился ничего не предпринимать против отца".**

"Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, **так льстил ему или пугал его** насчет его собственной будущности, предоставляя ему на выбор или престол или же темницу и даже смерть, что мне, наконец, удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средство для достижения развязки, настоятельности которой он сам не мог не сознавать. Но я обязан в интересах правды сказать, что великий князь Александр **не соглашался ни на что,** не потребовав от меня клятвенного обещания, **что не станут покушаться на жизнь его отца.** Я дал ему слово".

Провоцируя Павла на невыгодные для него действия, восстанавливая его против семьи, а членов Императорской семьи против Императора, Пален продолжал

стягивать заговорщиков в Петербург, используя отходчивое сердце Павла.

Видные заговорщики Зубовы и Беннингсен были по приказу Павла удалены из Петербурга. А Палену было необходимо, чтобы они могли жить в Петербурге.

"Тогда,— цинично повествует Пален, —я придумал следующее. Я решил возбудить сострадание Павла к печальной судьбе офицеров, исключенных со службы... Я бросился к его ногам. Он был не прочь от романтизма и через два часа двадцать курьеров были разосланы во все стороны, чтобы вернуть всех, кто был уволен или исключен со службы. Так были возвращены среди сотен других, Беннингсен и Зубовы".

Разве этот случай не свидетельствует о рыцарском характере Павла, его незлопамятности и добросердечии?

"Тогда,— рассказывал впоследствии Пален, —я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучить Беннингсена и Зубовых, необходимых мне и 2) еще более усилить общее ожесточение против Императора"[28]).

А ведь именно "острый угол зубовской табакерки, как цинично пишет еврей М. Цейтлин в своей книге "Декабристы", казалось, был гранью новой, счастливой эпохи".

XIV. ВИЛЬЯМ ПИТТ НЕ ЖАЛЕЕТ АНГЛИЙСКОГО ЗОЛОТА

"В Европе с растущим беспокойством следили за укреплением дружбы между французским властелином и русским императором. В случае укрепления союза между этими двумя державами, они вдвоем будут повелевать на всем континенте Европы — это было мнение не только Наполеона и Павла, но и всех европейских дипломатов того времени. Совершенно определенное беспокойство царило и в Англии. Правда, французский флот был гораздо слабее английского, а русский флот был и вовсе ничтожен, но замыслы Бонапарта относительно Индии и внезапная посылка каких-то русских войск по направлению к Индии тревожили и раздражали Вильяма Питта, первого министра Великобритании. С большим беспокойством ждали во всех европейских дипло-

28) Шильдер. Император Павел I.

матических канцеляриях и королевских дворцах наступления весны 1801 г., когда оба будущих могущественных союзника могли бы предпринять нечто решительное. Но первый весенний день, 11 марта, принес совсем другое"[29]).

Начавшееся сближение с Бонапартом и Павлом I, возможность превращения французской республики в монархию —никак не устраивало ни масонов, ни Англию. Английский посол в Петербурге Уинтворт установил связи с масонами и предоставил **им большие средства на организацию заговора против Павла.**

Пален, уговаривая генерала Свечина вступить в число заговорщиков, говорил ему:

—"Группа наиболее уважаемых людей страны, **поддерживаемая Англией,** поставила себе целью свергнуть жестокое и позорное правительство и возвести на престол наследника Великого Князя Александра, который по своему возрасту и чувствам подает надежды. План выработан, **средства для исполнения обеспечены и заговорщиков много".**

В монографии Е. С. Шумигорского "Император Павел I" мы читаем: "Лопухин, сестра которого была замужем за сыном Ольги Александровны Жеребцовой, утвердительно говорил, что Жеребцова (любовница высланного Павлом I английского посла Уинтворта), получила из Англии **уже после кончины Павла 2 миллиона рублей** для раздачи заговорщикам, но присвоила их себе. Спрашивается, какие же суммы были переданы в Россию раньше? Питт, стоявший тогда во главе английского министерства, **никогда не отказывал в субсидиях, на выгодные для Англии цели на континенте,** а Наполеон, имевший бесспорно хорошие сведения, успех заговора на жизнь Императора Павла прямо объяснял действием английского золота".

Павел чувствует, что вокруг него творится что-то неладное. Он подозревает, что существует заговор против него, но не знает, кто враги.

"Было до тридцати людей,— пишет А. Коцебу в своих мемуарах, —коим поочередно предлагали пресечь жизнь Государя ядом или кинжалом. Большая часть из них содрогались перед мыслью совершить такое

---

29) Академик А. Е. Тарле. Наполеон.

преступление, однако, они обещали молчать. Другие же, в небольшом числе, принимали на себя выполнение этого замысла, но в решительную минуту теряли мужество".

"Но отравление не было единственной опасностью, которая ему угрожала. На каждом вахт-параде, на каждом пожаре (например, в доме Кутузова), на каждом маскараде, за ним следили убийцы. Однажды на маскараде в Эрмитаже, один из них, вооруженный кинжалом, стоял у дверей, которые через несколько ступенек вели в залу и ждал Государя с твердой решимостью, чтобы его убить".

До Павла дошли, видимо, какие-то слухи о деятельности против него английского посла Уинтворта, который играл в совершении государственного переворота точно такую же предательскую роль, каковую в революции 1917 года играл английский посол Бьюкенен. В конце мая 1800 года Павел приказал Уинтворту выехать из Петербурга. Но было поздно, **Император Павел был уже со всех сторон окружен заговорщиками.**

XV. УБИЙСТВО ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

I

Когда утром 7 марта, за несколько дней до убийства, Пален вошел в кабинет Императора Павла, он, по его словом, "застал его в размышлении и серьезным". Вдруг он спрашивает меня:

—"Господин фон Пален, вы были здесь в 1762 году?

—Был, Государь!

—Так вы были здесь?

—Да, Государь! Но что Ваше Величество хочет сказать?

—При вас ли произошел переворот, лишивший отца престола и жизни?

—Я был свидетелем этого, но не участвовал в этом, я был очень молодым унтерофицером Кавалергардского полка, но почему Ваше Величество ставит мне этот вопрос?

—Почему, да потому, что хотят возобновить 1762 год.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас овладел собой и сказал:

—Да, Государь, это хотят сделать: я это знаю, ибо сам принадлежу к заговору.

—Что вы говорите?

— Да, Государь, я принадлежу к этому заговору и должен делать вид, что принадлежу к нему: мог ли бы я иначе знать, что замышляется, если бы не делал вид, что принадлежу к заговору. Но будьте покойны. Вам нечего опасаться: я держу все нити заговора" .

Павел сделал вид, что поверил Палену, **но известно, что им тайно были посланы верные лица к Аракчееву и Бринкеру.**

Сообщив, с какой целью он состоит в заговоре, Пален посоветовал Павлу наложить домашний арест на сыновей и привести их к присяге. Павел поверил или сделал вид, что поверил Палену, чтобы не дать ему понять, что он подозревает его, и отдал приказ наложить домашний арест на Великих Князей.

Посоветовав эти меры Павлу, Пален **немедленно же обратил их против него.** Встретившись с Александром, Пален показал ему приказ об аресте и дал понять, что это еще не все худшее, что его ждет и этим вынудил у него дать согласие на участие в заговоре. Александр снова потребовал у Палена, чтобы он дал честное слово, что никто не посягнет на жизнь его отца.

Пален, конечно, дал честное слово, что с Павлом ничего не случится, что его только арестуют. Но это была очередная ложь.

"Я должен признаться,— говорил Пален Ланжерону, —что Великий Князь Александр сначала не соглашался ни на что ,пока я не предложил дать ему честное слово, что никто не посягнет на жизнь его отца", и цинично продолжает: "Я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что невозможно. Но нужно было успокоить угрызения его совести: я наружно согласился с его намерением, хотя был убежден в его невыполнимости".

Характеристика Ростопчина была абсолютно верна: Пален был настоящий сын Маккиавели и настоящий демон интриги. Это был провокатор, равный по размерам Азефу.

Узнав, что Павел отправил курьера к Аракчееву, Пален задержал его на некоторое время. А когда Арак-

чеев прибыл в Петербург, его задержали на заставе, сообщив, что **Император запретил кому-либо въезд в столицу.**

II

За несколько дней до убийства Императора гр. Ф. Ростопчин получил от него депешу, в которой находились торопливо написанные слова:

"Вы мне нужны. Приезжайте немедленно. Павел".

Ростопчин выехал в Петербург, но когда приехал, то увидел Императора уже мертвым.

В день убийства Павел спросил Палена, что он считает необходимым предпринять для его безопасности. Пален ответил, указывая на комнату, **где находились часовые преданного Павлу полковника Саблукова:** —Я не ручаюсь за то, что может случиться, если Вы, Ваше Величество, не отошлете этих якобинцев и если Вы не прикажете заколотить дверь в спальню Императрицы. Павел приказал Саблукову увести своих солдат из дворца и заколотить **единственную дверь сквозь которую он мог скрыться от убийц.**

Граф Ланжерон, в своих записках, передает следующий рассказ масона Кутузова (командовавшего русской армией во время Отечественной войны):

"Мы сидели 11 марта вечером за ужином у Императора. Нас было двадцать человек за столом. Он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, придворной фрейлиной, сидевшей напротив Императора. После ужина он беседовал со мной. Посмотрев в зеркало, которое неверно показывало, он, смеясь, сказал:

—"Удивительное зеркало, когда я смотрюсь в него, мне кажется, что у меня шея свернута".

Кутузов, также, как и Павел, как и граф Строганов, знал, что через полтора часа у Императора будет действительно свернута шея, **но не счел нужным предупредить Павла о готовящемся преступлении.**

В эту же ночь 60 офицеров ворвались в спальню и зверски убили Павла, спрашивавшего — "Что я вам сделал? Что я вам сделал?"

Пален явился с караулом только тогда, когда все было кончено. **Он и тут остался верен себе.** Если бы убийство не удалось, **он бы выступил в роли спасителя Павла.**

"Действительно,— сообщает, например, Бернгардт, —среди тех, которые хорошо знали Палена, было распространено мнение, что он замышлял в случае неудачи переворота арестовать Великого Князя Александра вместе со всеми заговорщиками и предстать перед Павлом в роли его спасителя".

XVI. "ДЛЯ НАС ОН БЫЛ НЕ ТИРАН, А ОТЕЦ"

I

Император Павел уже два дня лежал в гробу с лицом, закрытым кисеей, когда прибывший из Парижа курьер привез министру Иностранных Дел следующее письмо Министра Иностранных Дел Франции князя Талейрана.

"Господин граф.

Курьер Нейман, который везет Его Императорскому Высочеству ответ Первого Консула, был бы отправлен раньше, если бы (мы) не ждали известия о прибытии во Францию господина графа Колычева через несколько дней. Теперь у нас есть уверенность, что он будет в Париже через несколько дней, и я должен выразить удовлетворение, что пришел момент, когда путем откровенных и углубленных переговоров обо всех предметах общего интереса **будет возможно укрепить мир на континенте** и подготовить свободу морей.

Примите, господин граф, выражение моего высокого уважения.

Шарль-Морис Талейран".

Комментируя это письмо французского Министра Иностранных Дел, академик Е. В. Тарле пишет в книге "Талейран", каков внутренний скрытый смысл "в этих вылощенных французских фразах Талейрановского письма, фатально и непоправимо опоздавшего на двое суток? Речь идет об оформлении франко-русского соглашения, которое установит прочный мир на континенте, то есть в понимании Наполеона, с одной стороны, и Ростопчина — с другой, обеспечит владычество франко-русского союза на европейском континенте".

Когда в Париж пришла весть, что Павел задушен в Михайловском дворце, Бонапарта охватил яростный гнев:

"Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза*), но они не промахнулись по мне в Петербурге",— гневно кричал он.

"Для него,— пишет Тарле, —никакого сомнения не было, что убийство Павла организовали англичане. Союз с Россией рухнул в ту мартовскую ночь, когда заговорщики вошли в спальню Павла".

С помощью английского золота, русские дворяне в союзе с масонами убили того, что впервые после Тишайшего Царя — отца Петра I, снова хотел стать Царем всего русского народа.

II

Вельяминов-Зернов так описывает поведение русского шляхетства, когда утром 12 марта оно узнало, что ненавистный "тиран" убит:

...—"В 9 часов утра на улицах была такая суматоха, какой никогда не запомнят. К вечеру во всем городе не стало шампанского. Один не самый богатый погребщик продал его в этот день на 66.000 р. Пировали во всех трактирах. Приятели приглашали в свои кружки людей вовсе незнакомых и напивались до-пьяна, повторяя беспрестанно радостные клики в комнатах, на улицах, на площадях. В то же утро появились на многих круглые шляпы и другие запрещенные при Павле наряды; встречавшиеся, размахивая платками и шляпами, кричали им "браво"!

Войска же, бывшие на стороне Павла, встретили появление нового императора угрюмым молчанием.

—Да здравствует император Александр!— крикнул сопровождавший Александра один из заговорщиков, генерал Талызин.

Солдаты хранили молчание.

Зубовы, участвовавшие в убийстве, пытались разъяснитсь солдатам, почему они должны радоваться смерти Павла.

Но солдаты продолжали молчать. Нового Императора приветствовал криками ура только подшефный ему Семеновский полк. Когда офицеры говорили солдатам:

---

*) Намек Наполеона на взрыв адской машины на ул. Сен-Никез.

—Радуйтесь, братцы, тиран умер.

Солдаты отвечали:

—Для нас он был не тиран ,а отец[30]).

"Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата — и тот чувствовал это и платил царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11 марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии" (А. Керсновский. Ист. русск. армии. ч. I, стр. 157).

"Раньше гвардию очень легко было привести в состояние крика и марша. Это свидетельствует об инертности солдатских масс, — им было, приблизительно все равно, что происходит на верхах. Водка и вера в непогрешимость своих офицеров выводили их из инертности. В убийстве Павла I — совсем другое. Заговорщики знали, что солдаты любят импернтора и больше всего боялись, как бы они не пришли ему на помощь. При самом злодеянии, мы видим, что двое камер-гусар, стоявшие у входа в спальню государя, отказываются пропустить сиятельных убийц, за что один из гусар платит жизнью. Семеновцы, заслышавшие шум, спешат на выручку и подняли бы на штыки всех, кто посягнул на государя, если бы Палену, лживыми завереняими не удалось остановить их"[31]).

"...Публика, особенно же низшие классы, — пишет в своих воспоминаниях полковник Саблуков, —и в числе их старообрядцы и раскольники, пользовались всяким случаем, чтобы выразить свое сочувствие удрученной горем вдовствующией Императрице. Раскольники были особенно признательны Императору Павлу, как своему благодетелю, даровавшему им право публично отправлять свое богослужение и разрешавшему им иметь свои церкви и общины".

"Достойно особо отметить, что староверы тоже любили его и считали истинно-русским царем. Идеи всеединства, царя для всех, как раз и навлекли на него особую ненависть "екатерининских змей", воспитанных

30) Записки Августа Коцебу.

31) Записки Августа Коцебу.

на своей исключительности и презрении к другим сословиям"[32]).

Во многих старообрядческих семьях ,вплоть до революции ,в красном углу, над иконами, часто можно было увидеть портрет Павла I.

III

Кто был заинтересован в убийстве Павла I, кроме масонов и Англии, ясно показывает поведение Александра I после восшествия его на престол.

"Александр I, — пишет проф. Зызыкин актом 2 апреля 1801 года, т. е. через четыре недели по восшествии на престол, до установления Негласного комитета, восстановил жалованную грамоту дворянству, показав этим, **кому нужна была более всех перемена царствования** в пользу молодого неопытного Великого Князя, обязанного тем, которые возвели его на престол, совершенно так, как было при дворцовых переворотах в 18 веке. Не в этих ли мерах в пользу крестьянства крылась причина мусированного сумасшествия Павла".

и дальше: "Получилось повторение того, что было при **Екатерине Второй, когда она дала эту грамоту дворянству,** будучи обязанной ему престолом, а позже Александр Первый утвердил ее, не обсудив даже в Негласном Комитете, будучи обязан престолом заговору"[33]).

Известный историк Великий Князь Николай Михайлович пишет, что "дворянство было всегда ненавистно Александру, а корень ненависти к нему связывался не с крепостным правом, а с ролью дворянства в событии 11 марта, не забытых Государем в течении всей его жизни."[34])

"Павел I погибает в борьбе. Но в гибели его уже ясно различимы новые элементы. Никто из участников злодеяния 11 марта 1801 года не делает карьеры на этом, как это полагалось по канонам 18-го столетия. Злодеи, действительно не понесли заслуженной кары. Им удалось спровоцировать наследника, будущего импер. Александра I, на косвенное прикосновение к заговору. Он

---

[32]) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена".

[33]) М. Зызыкин. Тайны Императора Александра I.

[34]) Вел. Кн. Николай Михайлович. "Император Аласандр I".

выслушивал речи Палена о "возможных больших событиях", с намеками на отречение императора Павла, и не доложил об этом своему отцу, как это следовало бы. Взойдя на престол, молодой, впечатлительный государь, остро переживавший свою ошибку, не нашел в себе сил покарать злодеев. Пален был сослан в его родовое имение, остальные заговорщики продолжали службу, но в обществе они отнюдь не были на положении героев. Пушкин, по свойствам своей байронической натуры, не любивший Павла I-го, все же, об убийцах его, отзывается презрительно, как о людях полупочтенных. Все они остались на положении Орлова, выставленного впереди гроба своей жертвы, на всероссийское позорище."[35])

В "Истории цареубийства 11 марта 1801 года" совершенно верно определено, что: "судьба Павла есть следствие семидесятилетнего женского правления через любовников и шутников, следствие возвышения всевозможных авантюристов и проходимцев, следствие убийства царевича Алексея".

---

35) Н. Былов. По поводу "Павловского гобелена".

ОТЗЫВЫ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Б. БАШИЛОВА "В МОРЯ И ЗЕМЛИ НЕВЕДОМЫЕ"

"...Мие Ваша киига "В моря и земли иеведомые" — понравилась определенио. Я не всю ее прочел, ио вижу, что Вы большой знаток предмета и владеете пером мастерски. И рисуики выдержаны и характеры даны портретно хорошо. Нет, Вы должны писать, иесмотря на наше общее препятствие и побочиые недосуги..."

"...Когда я писал Вам о том, что Ваша киига хороша, я имел в виду имеиио Вашу тоико-историческую чуткость и дароваиие воплотить ее в литературную форму. Язык того времени, характеры и самый пейзаж и дух природы —это удается немногим, а у Вас это встает в живых образах. Видио, что вы серьезио все это изучили и осиовывали докумеитальио..."

Г. Гребенщиков

***

"...Не нужио быть пророком для того, чтобы предсказать большой и длительиый успех книге Бориса Башилова "В моря и земли иеведомые".

Книга эта является ие только цеиным вкладом в нашу зарубежиую литературу, ио и историческую литературу вообще. . .

...С большой писательской сноровкой оперирует автор огромным количеством бытового и документальиого материала. Описания севериой природы прокникнуты любовью к родной земле и подлиниой поэзией, при отсутствии дешевой сентимеитальиости. Страдания, перенесенные участииками наших первых морских экспедиций, их упорный труд в отыскании "пролива" и берегов Севериой Америки описаны с таким чувством реальиости, точио автор сам был одним из их участников.

Что касается человеческих типов и характеров, то разве только у Лескова можио встретить такое проникиовеиие в иародную душу, — людей еще более отдалеиных от иас ходом истории..."

С. Карсавина (Мюихеи)

***

"...Я и моя семья уже давио следим и восхищаемся Вашим литературиым талаитом, таким свежим, ярким и бодрящим. Ваши произведеиия, как и Лескова, дают читателям возможность наслаждаться ими и знакомиться с разными стороиами русской действительиости и находить себе в иих нередко утешеиие и черпать в иих бодрость..."

(Из письма доктора **В. Поповой.** Мисиоиес. Аргентина)

***

Книгу **"В моря и земли неведомые"**, 144 стр. с иллюстр., цеиа 1 доллар (осталось всего несколько десятков экземпляров), можио выписать через Из-во "Русь".

ХИТРОСТЬ ВОЖДЯ АННАХУЦА

Из отзывов печати:

"...Исторический рассказ "Хитрость вождя Аннахуца"—являясь одним из звеньев этой эпопеи, "повествует о гибели от стрелы индейского вождя корабельного мастера Абрама Дементьева, первого из российских мореходов, вступившего "на американские, неведомые до того европейцам берега". В этом рассказе Б. Башилов проявляет редкое проникновение, не только в духе, далекого прошлого, но и во все своеобразие быта, нравов и языка тех русских людей, которые "ревнуя к славе отечества", из поколения в поколение, несли "на восточном океане боевую службу".

"Огненным боем от немирных народцев отбиваясь, неся великие тягости, бережем мы богатейшие эти места для потомков наших. И кислушку ту вонючую едим и в звериных шкурах ходим... не ради ненасытности своей, а имея ревность к державе нашей" — так говорит один из потомков устюжанина Басова, приплывшего на Камчатку еще во времена допетровские.

...В мою задачу не входит пересказ содержания рецензируемой повести Б. Башилова. Моя задача проще и она сводится як тому, чтобы показать русскому читателю, что, подобно тому, как некогда штурман Иван Федотов, Витус Беринг, Алексей Чириков и другие, крепкие духом, русские люди открывали для своего народа "моря и земли неведомые", так и Борис Башилов открывает нам неведомые страницы нашего славного прошлого. При этом, как замечает он сам о себе, его сердцем, как и сердцем Абрама Дементьева, руководила та же "бескорыстная ревность к славе отечества". Такая ревность не может остаться бе зсамого сочувственного отклика со стороны русских патриотов".

Г. Месняев

"Россия". Нью Йорк.

***

"...С своей всегдашней легкостью пера и занимательностью, автор рассказывает о первой высадке русских в Северной Америке еще во времена Правительницы Анны Леопольдовны. Короткий эпизод гибели от руки индейцев корабельного мастера Абрама Дементьева трудно было развить в целый рассказ, но автор вплетает туда интересные описания переворота Императрицы Елизаветы Петровны и путешествие ее курьера по Камчатке. Книжка интересная".

"За Правду". Буэнос Айрес. **С. М.**

Imprenta "Dorrego". Dorrego 1102 Buenos Aires T E 54-4644

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Rytsar vremen protekshikh ... P
947.07 B299R
D90441512Q